

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

УДК 343.3:343.9:347.96:351.74/.76(73)

У. С. ПАРКИН¹,
К. Е. МИЛЛС²,
Д. ГРЮНЕВАЛЬД³

¹ Сиэтлский университет, г. Сиэтл, США

² Университет штата Пенсильвания, г. Абингтон, США

³ Университет Арканзаса, г. Фейетвилл, США

УГРОЗА СО СТОРОНЫ УЛЬТРАПРАВОВОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К БЕЗОПАСНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В США

Уильям С. Паркин, доктор философии, кафедра уголовной юстиции, криминологии и судебной экспертизы, Сиэтлский университет
E-mail: parkinw@seattleu.edu

Колин Е. Миллс, ассистент преподавателя в области уголовного правосудия, Университет штата Пенсильвания, Абингтон, США

Джефф Грюневальд, доктор философии, доцент кафедры социологии и криминологии, директор Центра изучения терроризма в колледже Фулбрайт, Университет Арканзаса, США

Аннотация

Цель: анализ антиправительственной идеологии ультраправого экстремизма как внешней угрозы по отношению к сотрудникам охраны правопорядка.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений с использованием основанных на нем общенаучных и частнонаучных методов познания.

Результаты: взаимоотношения между ультраправыми экстремистами и правоохранными органами в Соединенных Штатах Америки имеют длинную и сложную историю. В 2020 г. эти отношения оказались предметом широкого обсуждения, так как обе их стороны стали участниками ряда беспрецедентных событий общенационального уровня. В данной работе рассматривается антиправительственная идеология ультраправого экстремизма как внешняя угроза по отношению к сотрудникам охраны правопорядка. Представлена информация из базы данных по экстремистским преступлениям о сотрудниках правоохранных органов, убитых при исполнении своих служебных обязанностей представителями ультраправых организаций за последние 30 лет. Кроме того, рассмотрен феномен явной или скрытой поддержки ультраправого экстремизма со стороны правоохранных органов, который создает внутреннюю угрозу законности деятельности этих органов. Наконец, обсуждаются инициативы полиции, основанные на ранее проведенных исследованиях и направленные на снижение указанных угроз.

© Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д., 2021. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.12.2021

© Перевод Беляева Е. Н., 2021

© Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J., 2021

© Translation Belyaeva E., 2021

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J., *Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States* *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 1–14.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/26321-far-right-extremism-s-threat-to-police-safety-and-the-organizational-legitimacy-of-law-enforcement-in-the-united-states>

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. *Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...*

Научная новизна: в работе впервые обосновывается, что ультраправые экстремисты представляют угрозу для сотрудников правоохранительных органов США. Антиправительственные экстремисты, считающие себя неподсудными законам юрисдикций, в которых они живут, могут дойти до насильственных действий в случае столкновения с органами правопорядка из-за своей идеологически мотивированной или обычной преступной деятельности. Кроме того, правоохранительные органы, принимающие на работу ультраправых экстремистов, сталкиваются с реальной перспективой потерять свою легитимность в глазах граждан, которым они клялись служить и защищать. В течение нескольких десятилетий криминологические исследования показывают, что недостаток доверия к полиции делает ее работу более сложной и опасной. Научные исследования и эмпирические представления указывают на множество путей к достижению цели, однако только решительные действия со стороны правоохранительных органов и законодателей могут снизить риск внешней виктимизации полиции и защитить органы правопорядка от делегитимизации по причине присутствия в их рядах ультраправых экстремистов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением, пресечением и расследованием экстремистских преступлений.

Ключевые слова: ультраправый экстремизм, убитые при исполнении служебных обязанностей сотрудники правоохранительных органов, правомерность действий полиции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Паркин У.С., Миллс К.Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности и организационной законности правоохранительных органов в США // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 822–850. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

The scientific article

W. S. PARKIN¹,

C. E. MILLS²,

J. GRUENEWALD³

¹ Seattle University, Seattle, USA

² Pennsylvania State University, Abington, USA

³ University of Arkansas, Fayetteville, USA

FAR-RIGHT EXTREMISM'S THREAT TO POLICE SAFETY AND THE ORGANIZATIONAL LEGITIMACY OF LAW ENFORCEMENT IN THE UNITED STATES

William S. Parkin, PhD, Associate Professor in the Department of Criminal Justice, Criminology, and Forensics at Seattle University Department of Criminal Justice, Criminology & Forensics, Seattle University
E-mail: parkinw@seattleu.edu

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2021). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2021, Vol. 22, No. 2, pp. 1–24.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/26321-far-right-extremism-s-threat-to-police-safety-and-the-organizational-legitimacy-of-law-enforcement-in-the-united-states>

Colleen E. Mills, Assistant Professor of Criminal Justice at Pennsylvania State University, Abington and she is a co-principal investigator on the U.S. Extremist Crime Database (ECDB)

Jeff Gruenewald, PhD, Associate Professor in the Department of Sociology and Criminology and Director of the Terrorism Research Center (TRC) in the Fulbright College at University of Arkansas

Abstract

Objective: to analyze the far-right extremism's anti-government ideology as an external threat to law enforcement officers. Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, using the general and specific research methods based on it.

Results: The relationship between far-right extremism and law enforcement in the United States has a long and complicated history. In 2020, this relationship was on display as both far-right extremists and law enforcement agencies were brought into the national spotlight for their roles in multiple unprecedented events. This research discusses how far-right extremism's anti-government ideology represents an external threat to law enforcement officers. This threat is discussed through the presentation of 30-years of data on law enforcement officers killed in the line-of-duty by far-right extremists from the Extremist Crime Database. In addition, the research also examines law enforcement's implicit and explicit support for far-right extremism, which creates an internal threat against the legitimacy of the profession. Finally, policy initiatives that come from, and build upon, prior research are discussed to reduce these threats.

Scientific novelty: for the first time, the work substantiates that far-right extremists threaten the safety of law enforcement officers in the United States. Antigovernment extremists, who do not believe that they are subject to the laws of the jurisdiction where they live, pose the risk of escalating to violent acts when encountering law enforcement when they engage in both ideologically motivated and routine criminal activity. In addition, law enforcement agencies who hire far-right extremists face the very real prospect of becoming illegitimate in the eyes of the communities to whom they are sworn to serve and protect. Decades of criminological research has shown that lack of trust in law enforcement makes the job of policing a community more difficult and more dangerous. Although multiple paths forward were outlined that build on prior research and empirical knowledge, only decisive action by law enforcement and policymakers will result in outcomes that reduce the risk of external violent victimization to police and protect law enforcement agencies from being delegitimized by the presence of far-right extremists within their ranks.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the prevention, suppression and investigation of extremist crimes.

Keywords: far-right extremism, law enforcement officers killed in the line-of-duty, police

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2021). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 822–850. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

В 2020 г. в США произошли три экстраординарных события, пагубно повлиявших на общество, последствия которых продолжают сказываться до сих пор. В первую очередь это распространение вируса SARS-CoV-2 (COVID-19), которое заставило федеральные и местные органы власти принять беспрецедентные меры по снижению смертности во время пандемии, пока ученые не разработали безопасную и эффективную вакцину. Эти меры по обеспечению общественного здоровья часто подразумевали противоречивые требования относительно ношения масок

в общественных местах, ограничений на скопления людей и правил проведения мероприятий. Хотя федеральное правительство дало общие рекомендации и попыталось снизить последствия пандемии путем ограничения международных поездок и предоставления дополнительных льгот для безработных и ресурсов для предприятий, однако именно на государственные органы штатов и местные правительства легла основная нагрузка по выработке курса действий в школах, на предприятиях и в обществе в целом. Это привело к широкому разнообразию вариантов исполнения

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

требований к сохранению общественного здоровья, включая длительность наложения этих требований и степень их строгости. В ряде случаев местные правоохранительные органы отказывались требовать выполнения установленных ограничений [1]. В столицах многих штатов собирались протестующие, выражая свое недовольство введенными обязанностями и ограничениями. Часто эти протестующие были вооружены, а в некоторых случаях выступали под ультраправыми лозунгами [2]. Два члена антиправительственного движения бугалу убили силовика федерального уровня, а позднее при попытке задержать одного из подозреваемых был убит заместитель шерифа. Подозреваемые действовали под влиянием ярости из-за закрытия предприятий во время пандемии и в целом антиправительственных настроений, пропагандируемых в Интернете [3] (Leahy et al., 2020). В другом инциденте были задержаны шесть членов антиправительственной экстремистской организации *Wolverine Watchmen* из штата Мичиган, которые собирались похитить губернатора штата из-за ее указа о закрытии ряда предприятий штата вследствие пандемии [4].

Вторым заметным общественным событием в указанный период стало постоянное общенациональное движение против использования полицией смертельного оружия в отношении безоружных черных граждан. Протесты вспыхнули после того, как полицейские убили чернокожего Джорджа Флойда, которого задержали по подозрению в использовании фальшивой двадцатидолларовой купюры в одном из магазинов Миннеаполиса в штате Миннесота. Как и во многих других резонансных событиях с использованием полицией смертельного оружия, вся ситуация была записана прохожим, который выложил запись в Интернет. На видео полицейские задерживают Флойда, кладут его на бок, и один из них надавливает коленом ему на шею, что привело к смерти [5]. В течение нескольких дней эти страшные кадры распространились по социальным сетям и средствам массовой информации, вызвав волну протестов против жестокости полиции по отношению к гражданам. Во многих городах сотрудники правоохранительных органов подверглись насилию со стороны протестующих. Различные общественные движения и леволиберальные политики стали призывать «приструнить полицию», при этом предполагалось, что более консервативно настроенные лица в целом в большей степени поддерживают

полицию, чем либералы [6, 7]. Главными новостями в СМИ стали жестокие стычки между полицией и демонстрантами, включая выступления против полиции со стороны ультралевого экстремистского движения Антифа и применение силы полицией против граждан [8, 9]. В ряде случаев самоорганизованные группы ультраправых оказывали поддержку полиции во время протестных выступлений [10, 11]. Возникали также случаи насилия между протестующими; например, в городе Кеноша, штат Висконсин, подросток застрелил протестующего, который призывал ограничить права полицейских. Позднее было опубликовано видео, на котором полицейские беспрепятственно отпускают подростка с места преступления. Он помогал местным отрядам ополчения защищать предпринимателей [12]. Во время другой акции протеста в городе Портланд, штат Орегон, сторонник движения Антифа застрелил члена ультраправой группы «Молитва патриота» [*Patriot Prayer*]. Сначала подозреваемый скрылся, но затем был убит при задержании, когда отстреливался от группы захвата [8].

Третьим экстраординарным событием стал отказ президента Дональда Трампа признавать свое поражение на выборах 2020 г. и начинать символический и практический процесс мирной передачи исполнительной власти новой администрации. Эксперты по национальной безопасности опасались появления беспорядков на избирательных участках из-за присутствия вооруженных «наблюдателей» [13], однако ультраправые группы и связанные с ними частные лица были мобилизованы посредством Интернета в период между днем выборов и днем инаугурации. Известные политики распространяли необоснованные сообщения о мошенничестве на выборах и о теориях заговора через средства массовой информации правого толка и социальные сети. Затем 6 января 2021 г. президент Трамп и несколько его сторонников призвали участников митинга перед Белым домом отправиться в здание Капитолия и предотвратить сертификацию Конгрессом результатов президентских выборов 2020 г. В итоге митинг превратился в ожесточенный мятеж и штурм Капитолия; погибли пять человек, включая одного полицейского, работавшего в Капитолии [14, 15]. Среди участников были ультраправые экстремисты, связанные с латиноамериканским движением Кванон [*QAnon*], а также группами «Гордые парни» [*Proud Boys*] и «Хранители клятвы» [*Oath*

Keepers] [16, 17]. Среди защитников Конгресса были также действующие и бывшие сотрудники правоохранительных органов [18].

Действия правоохранительных органов в целом и конкретных сотрудников полиции в частности играли огромную роль в каждом из указанных событий. Может показаться парадоксальным, но некоторые сотрудники правоохранительных органов стали жертвами ультраправого экстремизма, в то время как другие участвовали в действиях, которые, на первый взгляд, говорят о поддержке идеологии ультраправого экстремизма. Таким образом, события 2020 г. определили ключевой вопрос данного исследования: в чем состоит угроза ультраправого экстремизма по отношению к правоохранительным органам и их сотрудникам? В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что ответ на этот вопрос неоднозначен и что данная угроза состоит в рисках двух типов – это риск внешний (риск для сотрудника полиции стать жертвой ультраправых экстремистов) и внутренний (риск для правоохранительных органов допустить халатность или даже участие в действиях ультраправых экстремистов, тем самым подрывая доверие общества и законность органов правопорядка).

Настоящая работа включает три раздела. В первом разделе рассматривается внешний риск, который состоит в угрозе безопасности сотрудников полиции со стороны идеологии ультраправого экстремизма, в частности антиправительственных настроений. Чтобы раскрыть наиболее серьезные проявления этой угрозы для сотрудников правоохранительных органов – угрозы гибели при исполнении служебных обязанностей, мы используем информацию из базы данных по экстремистским преступлениям [*Extremist Crime Database, ECDB*]. Во втором разделе обсуждается внутренний риск со стороны ультраправого экстремизма по отношению к организационной легитимности органов правопорядка и общественному доверию к ним. Для этого мы показываем, как, когда, где и по возможности почему сотрудники полиции участвуют в действиях, которые неявно, а порой и явно свидетельствуют о поддержке идеологии ультраправого экстремизма. Наконец, в заключительном разделе представлены обобщенные выводы и показаны пути снижения рисков для правоохранительных органов со стороны ультраправого экстремизма и повышения доверия общества к органам охраны правопорядка,

которые связаны с ограничением вероятности сотрудничества и поддержки ультраправых экстремистов и их сторонников правоохранительными органами.

Недавняя история антиправительственной идеологии и ультраправого экстремизма

Ученые, практики и общественность используют различные определения ультраправого экстремизма. В настоящем исследовании мы пользуемся определением базы данных по экстремистским преступлениям. Важно отметить, что члены основных политических групп консервативного направления и сторонники фундаменталистских течений основных религий не считаются ультраправыми экстремистами. В определении базы данных по экстремистским преступлениям установлено, что ультраправыми экстремистами являются группы и/или отдельные лица, явно или неявно поддерживающие насилие и/или преступную деятельность по аспектам одного или более из следующих убеждений: категоричный национализм, антиглобализм, ксенофобия, неприятие иммигрантов (в отличие от универсалистской и интернационалистской ориентации); недоверие к федеральным властям и властям штата; превознесение личной свободы (особенно права владеть оружием, не платить налоги); вера в теории заговора, включающие серьезную угрозу национальному суверенитету и/или личной свободе; убежденность в том, что личный и/или общенациональный «образ жизни» находится под угрозой и либо уже утрачен, либо эта угроза близка (такая угроза может представляться аморфной и неопределенной, либо якобы исходить от конкретной этнической, расовой, социальной, религиозной группы); убежденность в том, что необходимо быть готовыми к нападению, а для этого участвовать в подготовке военных действий или поддерживать такую подготовку, и/или тренировать навыки выживания; принадлежность к женоненавистническим субкультурам и/или участие в них; неприятие решений женщин в отношении их репродуктивного здоровья, а именно абортов [19]. Ультраправые экстремисты не всегда поддерживают все эти взгляды, но сторонники одного или более из этих убеждений в прошлом участвовали в действиях, угрожавших правоохранительным органам. Кроме того, экстремистские взгляды, близкие к ультраправой антиправительственной идеологии,

являются наиболее опасными для сотрудников правоохранительных органов, которые представляют собой самый наглядный символ государственной власти.

Антиправительственная идеология свойственна многим ультраправым экстремистским группам, от группы «Ополчение» [*Posse Comitatus*], образованной в 1960-х гг., до самых недавних вариаций, связанных с отрядами милиции, патриотическим движением, движением суверенных граждан, движением бугалу. Примечательно, что в течение нескольких последних десятилетий члены всех этих групп угрожали, нападали, а в некоторых случаях убивали сотрудников правоохранительных органов. Отряды милиции появились в 1990-е гг. во многом как реакция на многочисленные события, связанные с федеральным правительством, включая принятие законодательства о контроле над оружием, подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле [*North American Free Trade Agreement, NAFTA*], беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 г. после оправдания полицейских, избивших Родни Кинга, противостояние между федеральными правоохранительными органами и гражданами в 1993 г. в Руби-Ридж, штат Айдахо, и в том же году в Уэйко, штат Техас [20–24]. Эти широко прогремевшие события произошли на фоне резкого спада уровня сельского хозяйства, в частности семейного фермерства, и занятости в промышленности в сельских районах и малых городах Америки. Выдвигалось предположение, что антиправительственная идеологическая риторика в купе с экономическим кризисом и снижением занятости в ряде отраслей усилили позиции ополченцев и послужили катализатором для их действий [25].

Члены движения народного ополчения критикуют федеральное правительство и власти штатов, при этом в определенной степени поддерживая местные власти и полицию, особенно выборные отделы шерифов округов [26]. Основываясь на более ранних исследованиях [27], Freilich и Pridemore показали, что в 1990-е гг. ополчение развивало военизированные ритуалы, использовало неформальные социальные связи, харизматических лидеров и различные формы воздействия на сознание; их целью было настроить граждан против федерального правительства, многонациональных корпораций и организаций (например, ООН), а также международных договоренностей (например, *GATT*). Они стремились защитить основные американские права, такие как личная свобода и право

на владение оружием. Большинство групп ополченцев выступали против централизованной власти, федеральной бюрократии, вмешательства правительства, регулирования землепользования, налогов, международных институтов и договоров, многонациональных корпораций. Близок к этому также лозунг о защите суверенитета Соединенных Штатов (р. 259). В рамках такого подхода, защита суверенитета Соединенных Штатов проявляется в теории заговора, гласящей, что деспотическое федеральное правительство вместе с Организацией Объединенных Наций и другими международными группами стремится создать единое мировое правительство, в результате чего Соединенные Штаты потеряют свое влияние и независимость в угоду глобализации [26]. Такая приверженность конспирологическим теориям была выделена как одно из двух основных убеждений, свойственных антиправительственной идеологии народного ополчения. Вторым является неизменная поддержка права на ношение оружия без какого-либо регулирования и вмешательства со стороны властей; считается, что такое вмешательство заметно усилилось и все больше проникается в повседневную жизнь простых американцев и его следует контролировать с помощью бдительных вооруженных граждан [24].

Однако идеологическая подоплека движения народного ополчения не была чем-то новым для ультраправых экстремистов в США. К примеру, она свойственна ультраправой экстремистской группе *Posse Comitatus*, ставшей известной в начале 1970-х гг. По убеждениям ее членов, административные округа являются единственной законной политической юрисдикцией в США, а окружные шерифы – единственными представителями закона, которые могут и должны обеспечить его применение. Члены *Posse Comitatus* также считали, что шериф имеет право формировать отряды местных мужчин для помощи в охране правопорядка. Взгляды этой группы определялись религиозно-исторической теорией заговора, известной как теория христианской идентичности, согласно которой федеральное правительство является коррумпированным и незаконным [28, 24]. Как и члены группы *Posse Comitatus*, приверженцы патриотических движений и народного ополчения продвигают свои антиправительственные, конспирологические убеждения и предпочитают действовать вне традиционных юридических и политических про-

цедур [20]. Когда интересы ультраправых в Америке были более центристскими, они поддерживали правительство, однако ситуация изменилась во время социокультурной трансформации, произошедшей в стране в 1960-е гг. под влиянием движения за гражданские права. Действия федерального правительства по защите гражданских прав чернокожего населения явились свидетельством его коррумпированности [24].

Важно также и то, что антиправительственные ультраправые экстремистские группы, такие как «Движение суверенных граждан» (будет описано ниже), не являются обособленными; их идеология во многом перекликается с движением белых шовинистов [29]. Например, члены *Posse Comitatus* участвовали в движении христианской идентичности, «основными установками которого являются расизм и антисемитизм, а также убежденность в необходимости следовать законам Божьим, а не человеческим, и в том, что правительство, очевидно не следующее Божьим законам, является, таким образом, нелегитимным» [24. Р. 960]. Важно отметить, что даже при отсутствии формальных связей между антиправительственными группами и движением белых шовинистов они разделяют во многом одни и те же убеждения [23]. Сходные результаты были получены в исследовании Katz и Bailey [30], которые показали, что даже в рамках движения существует два типа народного ополчения: одни концентрируются в основном на конституционных вопросах, таких как право на ношение оружия, а другие придерживаются идеологии белых шовинистов (см. также [31]).

После подъема во время правления президента Обамы [32] движение народного ополчения получило новый импульс в 2020 г., когда ультраправые экстремисты протестовали против законов о контроле над оружием и против решений в области здравоохранения, таких как локдаун в связи с пандемией. Активизировались существовавшие и до 2020 г. различные группировки, часто принадлежащие к слабо организованным движениям, таким как бугалу и *QAnon*, а также группы с более традиционной структурой, такие как *the Oath Keepers* («Гордые парни»), *Proud Boys* («Хранители клятвы»), *the Three Percenters* («Трехпроцентные»). Отслеживая активность этих и других групп в социальных сетях, ученые установили, что ряд экстремистских группировок недвусмысленно объединились под лозунгами так называемого опол-

чения; при этом отвергается существование пандемии как политический повод или предлог, позволяющий правительствам ограничивать личные свободы, а сотрудники правоохранительных органов и другие официальные лица представлены как сознательные проводники принудительных мер. По мере развития пандемии такие лозунги становились все более экстремистскими, вплоть до угроз и осуществления нападений с применением насилия [33. Р. 2]. В нашей работе мы показываем, что именно социальные сети способствовали беспрецедентному объединению экстремистских движений и позволили им обсуждать, пропагандировать и оттачивать свою идеологию и лозунги. Кроме того, показано, как происходит эскалация призывов и тональности выступлений в поддержку насильственных высказываний и действий.

Еще одна группа внутри антиправительственного крыла ультраправых – это движение суверенных граждан. Его истоки связаны с группами *Posse Comitatus*, движениями против налогов и ополченцев-патриотов начиная с 1970-х гг. [34]. Одно из ключевых убеждений этой группы, как и других экстремистских ультраправых антиправительственных движений, – нелегитимность правительств штатов и федерального правительства, однако они также не доверяют и местным властям [35, 23, 36, 29]. А именно суверенные граждане считают, что путем ритуализированных законных действий они могут вывести себя из-под влияния правительства. Основываясь на конспирологических теориях, суверенные граждане восприняли убеждения многих других ультраправых экстремистов и построили на них свои теории, например, о существовании нового мирового порядка и общемирового правительства, о международной банковской системе, контролирующей финансовый сектор США, а также антисемитские теории [23]. Предметом особого внимания суверенных граждан является право властей устанавливать налоги и контролировать землевладение. Это движение получило новый импульс после кризиса 2008 г., вызвавшего беспрецедентные потери жилья, накоплений и рабочих мест [23]. Суверенные граждане отказываются получать страховые номера и другие формы государственной идентификации, платить налоги [37]. Также известно, что они участвуют в так называемом бумажном терроризме, то есть заявляют о несуществующих залоговых правах или подают нереальные иски, чтобы заблокировать

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

работу судов и конкретных чиновников, включая сотрудников правоохранительных органов, которые, как они считали, их притесняли [38, 39].

Хотя движение суверенных граждан зародилось в среде белых ультраправых экстремистов, их антиправительственные убеждения и тактика действий были частично восприняты другими сообществами – городскими, тюремными, черными, не ультраправыми. Так, одна из группировок суверенных граждан, объединяющая лиц арабского происхождения, пытается доказать нелегитимность правительства путем запутанных юридических рассуждений, не имеющих реальной основы [40]. Другой пример – молодая чернокожая женщина Коррин Гейнс, участвовавшая в движении суверенных граждан, была убита в перестрелке с полицейскими, которые пытались вручить судебный ордер [41]. Распространение идеологии движения суверенных граждан показывает, насколько идеи ультраправого экстремизма, проникая в другие экстремистские группы и движения, могут увеличить риск насильственного противостояния между гражданами и правоохранительными органами.

Среди других групп и движений, которые восприняли ультраправые экстремистские идеологии и проявились в последнее десятилетие, можно назвать такие, как *the Boogaloo Bois*, *Three Percenters*, *Patriot Prayer*, *Oath Keepers*, *the Alt-Right*, *Proud Boys*, *QAnon*. Члены и сторонники этих групп и движений принимали участие в протестах, бунтах и актах насилия на всей территории США в 2020 г., а многие и в штурме Капитолия в январе 2021 г. Движение бугалу стало широко известно благодаря интернет-мемам, гавайским рубашкам и своей идее о неизбежности второй гражданской войны против федерального правительства и его сторонников. Хотя это движение идеологически неоднородно, оно объединяет многих ультраправых экстремистов своими лозунгами, иконографией и символикой [42]. Сторонники движения *QAnon*, которое возникло в сети Интернет в 2017 г., верят в целый комплекс антиправительственных теорий заговора, нацеленных против демократов и других потенциальных политических противников. Начавшись в Сети, движение перекинулось в реальный мир, угрожая актами политического насилия [43]. Однако в работе Moskalkenko и McCauley [44] показано, что угроза экстремистских действий со стороны *QAnon*, скорее всего, преувеличена и что попытки дерадикализировать это

движение могут на самом деле подпитывать существование антиправительственных теорий заговора. Хотя у группы идеология экстремистская, их деятельность по большей части до сих пор таковой не являлась.

Опасность ультраправого экстремизма для правоохранительной деятельности

Антиправительственные взгляды ультраправых экстремистов, построенные на конспирологических теориях, не имеющих почти или совершенно никаких фактических подтверждений, а также на избирательном (или просто ошибочном) прочтении американской истории права, бросают непосредственный вызов законности правительства. Правоохранительным органам хорошо известно, какую угрозу представляют ультраправые экстремисты, и они уже выражали тревогу по поводу высказываний некоторых группировок, направленных против правительства и органов правопорядка; среди таких группировок – движение ополчения и суверенных граждан. Часто такие высказывания используются для того, чтобы показать, что экстремистов следует воспринимать всерьез [45]. Исходная антиправительственная идеология может создать «чрезвычайно враждебные» отношения между правоохранительными органами и группами ультраправых экстремистов [24. Р. 965]. От того, какую оценку получают насильственные действия против сотрудников правоохранительных органов, будь то обычная преступная деятельность, преступление на почве ненависти или терроризм, зависит ответ системы уголовной юстиции на эти действия. Кроме того, при этом возникает множество юридических тонкостей, касающихся подсудности по местным, федеральным законам или законодательству штата, что еще более усложняет вопрос выбора правовых инструментов, доступных правоохранителям и обвинителям, тем самым создавая атмосферу неопределенности и непредсказуемости исхода дела [46].

Жертвы среди сотрудников охраны правопорядка

Сотрудники правоохранительных органов могут подвергнуться риску насильственных действий со стороны ультраправых экстремистов по многим причинам. Во-первых, присущая ультраправым экстремистам идеология, направленная против государства и правоохранительных органов, изначально ставит их

в ситуацию противостояния, поскольку правоохранительные органы являются частью исполнительного аппарата на всех уровнях власти. Это противостояние предполагает, что сотрудники органов правопорядка могут подвергаться целенаправленной агрессии по идеологическим мотивам, а также риск насилия против них повышается, когда у ультраправых экстремистов появляется возможность совершать насильственные действия во время повседневной профессиональной деятельности правоохранителей. Примером целенаправленной агрессии является случай с гражданином по имени Аарон Свенсон, связанным с движением бугалу, который в апреле 2020 г. выкладывал в социальных сетях видео своего преследования полицейских в Техасе; целью преследования было причинение телесных повреждений и смерти [33, 47]. Во-вторых, даже если гражданин внешне поддерживает полицию и фокусируется на других идеях ультраправых экстремистов, таких как превосходство белых, тем не менее любое участие в противоправных действиях поставит его в ситуацию прямого конфликта с правоохранителями, если о таковых действиях станет известно.

Движение суверенных граждан особо выделяется в отношении угроз правоохранительным органам и другим официальным лицам. В исследовании Sateschi [40] было показано, что в период между 1983 и 2020 гг. членами этого движения были убиты 27 и ранены 65 сотрудников правоохранительных органов. Среди убитых 30 % погибли во время проверок на дорогах, 30 % – в результате засад, 22 % – при противостояниях. Одна из причин такой угрозы правоохранительным органам состоит в том, что члены движения суверенных граждан уверены в эффективности методов и ритуалов, освоенных ими для выхода из судебной системы Соединенных Штатов. Когда эта уверенность неизбежно оказывается ложной, они начинают угрожать насилием против участников системы уголовного правосудия [23]. Помимо насильственных действий, суверенные граждане прибегают также к бумажному терроризму. К сожалению, риски, связанные с этим движением, только растут по мере того, как его идеология и тактика распространяются за пределы ультраправых в направлении других экстремистских сообществ [37, 48].

Таким образом, суверенные граждане считают федеральное правительство нелегитимным, а окружных шерифов – истинной властью; при этом, как и большин-

ство американцев, представители этого движения крайне редко лично общаются с сотрудниками федеральных правоохранительных органов. Однако в повседневной жизни они часто сталкиваются с местными правоохранителями, выполняющими свою работу, например, досмотр автотранспорта. Наиболее вероятные правонарушения со стороны ультраправых экстремистов – это нарушения законов штата и местных постановлений, которые не входят в юрисдикцию федерального правительства и находятся в ведении городской полиции и окружных шерифов. Поэтому уверенность ультраправых экстремистов в том, что местные правоохранители защитят их от гипотетических нападков нелегитимных федеральных агентов, вступает в противоречие с более вероятным сценарием – ультраправые экстремисты нападают на местных полицейских, потому что те обеспечивают исполнение законов нефедерального уровня. На тех территориях, где законы штата или местные законы не соответствуют убеждениям ультраправых экстремистов (например, потому, что они рассматриваются как ущемление личных свобод), риск насильственных действий против сотрудников правоохранительных органов еще более возрастает.

В работе Suttmoeller и соавт. [49] изучались насильственные действия ультраправых экстремистов против сотрудников правоохранительных органов, приведшие к смертельным исходам. Было установлено, что, если исключить эпизод со взрывом бомбы в Оклахоме, когда погибли семеро сотрудников федеральных правоохранительных органов и один местный помощник шерифа, подавляющее большинство сотрудников правоохранительных органов, убитых между 1991 и 2009 гг. ультраправыми экстремистами, были сотрудниками местных отделений (86,1 %) или отделений уровня штата (11,1 %). Эти цифры соответствуют статистическим данным по всем Соединенным Штатам, собираемым Департаментом юстиции (*Law Enforcement Officers Killed and Assaulted, LEOKA*). Кроме того, было установлено, что более половины убийств были совершены группой преступников и жертв также было несколько, а более трех четвертей жертв были убиты экстремистами с помощью огнестрельного оружия. Почти половина жертв пришлась на южные штаты, чуть более трети – на западные. Только в 20 % случаев сотрудники правоохранительных органов знали об ультраправых убеждениях преступников до совершения ими убийства.

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

В другом исследовании, выполненном Gruenewald и соавт. [50], предпринята попытка определить мотивационные обстоятельства гибели сотрудников правоохранительных органов от рук ультраправых экстремистов. Все нападения со смертельным исходом были разделены на четыре категории: попытка избежать ареста, целенаправленное нападение, защита собственности, защита семьи. Были выявлены различия при совершении преступлений. Так, при целенаправленных нападениях, когда преступники по идеологическим мотивам намеренно нападали на полицейских, почти две трети убийств произошли во время обычной деятельности полиции, без связи со срочными вызовами. Кроме того, для этой категории было характерно отсутствие предупреждающих признаков того, что преступники пойдут на убийство, т. е. полицейские были застигнуты врасплох в 75 % случаев. Наконец, две трети преступников этой категории погибали во время нападения, от рук полицейских или совершая самоубийство.

Результаты современных исследований убийств полицейских ультраправыми экстремистами

В данном разделе мы, опираясь на работы [49, 50], представляем последние данные об убийствах полицейских ультраправыми экстремистами из базы данных США по преступлениям экстремистской направленности (*United States Extremist Crime Database, ECDB*). В этой базе данных собрана информация обо всех уголовных преступлениях, как идеологически мотивированных, так и бытовых, совершенных идеологически экстремистами [19]. *ECDB* является полным, общедоступным источником достоверной информации о насильственных действиях со смертельным исходом, совершенных экстремистами, в том числе ультраправыми [51]. В наше исследование были включены только убийства при исполнении служебных обязанностей сотрудников государственных правоохранительных органов, а именно полицейского, окружного шерифа, полицейского штата или федерального агента, совершенные между 1991 и 2020 гг. Мы исключили убийства сотрудников правоохранительных органов не при исполнении ими служебных обязанностей, а также работавших в частных охранных организациях. Кроме того, в данной работе не рассматриваются убийства судей и других участников системы уголовного

правосудия. Такие убийства могли быть мотивированы идеологическими и неидеологическими обстоятельствами. В первую категорию входят случаи, когда преступник напал на сотрудника правоохранительных органов по идеологическим мотивам, или сотрудник был убит при реагировании на иное идеологически мотивированное преступное деяние. Вторая категория включает ситуации, когда полицейский был убит при исполнении служебных обязанностей во время рутинного взаимодействия с гражданами, которые оказались ультраправыми экстремистами, например, при досмотре автотранспорта или вручении повесток. Чтобы представить контекст виктимизации, были собраны данные для анализа на уровне преступления, жертвы и преступника. Переменные для дескриптивного анализа на уровне преступления включали наличие идеологической мотивированности преступления, территориально-статистический регион, уровень урбанизации округа, время года, год совершения преступления, использование огнестрельного оружия, количество преступников, количество жертв среди сотрудников правоохранительных органов, совершение убийства при досмотре автотранспорта, возникновение ситуации осады при совершении убийства. На уровне жертвы отмечались пол, расовая или этническая принадлежность, возраст, тип правоохранительной организации. Данные на уровне преступника включали пол, расовую или этническую принадлежность, возраст, разновидность идеологии.

В табл. 1 представлены данные по 48 убийствам, в которых погиб хотя бы один сотрудник правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей и убийство было совершено хотя бы одним ультраправым экстремистом. Из этих убийств 58,3 % были идеологически мотивированы, а 41,7 % не были идеологически мотивированы, т. е. произошли во время рутинного взаимодействия с гражданами или в процессе криминальной деятельности, но нападение на жертв не было связано с идеологией экстремизма. По географическому положению почти половина убийств произошла в Западном, а более трети – в Южном территориально-статистическом регионе США. Менее 15 % убийств произошли на Среднем Западе и в Северо-восточном регионе. При этом, по усредненным оценкам 2000 и 2010 гг., на Западе проживало 22,9 % населения США, на Юге – 36,5 %, на Среднем Западе – 22,3 % и в Северо-восточном регионе –

Таблица 1

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне преступления, 1991–2020 гг.
Table 1. Incident level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Мотивация / Motivation	Идеологическая / Ideological	58,3	28
	Неидеологическая / Non-Ideological	41,7	20
Регион / Region	Средний Запад / Midwest	8,3	4
	Северо-восток / Northeast	6,3	3
	Юг / South	37,5	18
Урбанизация / Urbanicity	Запад / West	47,9	23
	Город / Urban	62,5	30
Время года / Season	Пригород / Suburban	37,5	18
	Весна / Spring	31,3	15
Президент / Presidential Terms	Лето / Summer	29,2	14
	Осень / Fall	22,9	11
	Зима / Winter	16,7	8
Оружие / Weapon	Джордж Буш, 1-й срок / George H. W. Bush, Term 1	2,1	1
	Уильям Клинтон, 1-й срок / William J. Clinton, Term 1	8,3	4
	Уильям Клинтон, 2-й срок / William J. Clinton, Term 2	14,6	7
	Джордж Буш, 1-й срок / George W. Bush, Term 1	14,6	7
	Джордж Буш, 2-й срок / George W. Bush, Term 2	16,7	8
	Барак Обама, 1-й срок / Barack H. Obama, Term 1	14,6	7
	Барак Обама, 2-й срок / Barack H. Obama, Term 2	16,7	8
Преступник / Offenders	Дональд Трамп, 1-й срок / Donald J. Trump, Term 1	12,5	6
	Огнестрельное / Firearm	93,8	45
Жертвы-полицейские / LE Victims	Другое / Other	6,3	3
	Один / Single	58,3	28
Досмотр автотранспорта / Traffic Stop	Несколько / Multiple	41,7	20
	Один / Single	79,2	38
Ситуация осады / Siege Situation	Несколько / Multiple	20,8	10
	Да / Yes	25,0	12
Всего / Total	Нет / No	75,0	36
	Да / Yes	29,2	14
	Нет / No	70,8	34
		100,0	48

18,3 % [52]. Что касается уровня урбанизации, чуть менее двух третей убийств произошли в городских районах, чуть менее одной трети – в пригородных. В сельских районах, согласно классификации Департамента США по вопросам сельского хозяйства, таких эпизодов не зарегистрировано [53].

Мы рассмотрели различия в уровне убийств полицейских при исполнении служебных обязанностей в зависимости от времени года и года совершения убийства. Большинство таких преступлений были совершены весной (31,3 %), почти столько же летом (29,2 %), гораздо меньше осенью (22,9 %) и зимой (16,7 %). При распределении данных по срокам правления президентов можно заметить, что в первый период правления президента Клинтона произошло наименьшее количество убийств полицейских при исполнении служебных обязанностей и что доля таких преступлений во все остальные периоды оставалась на удивление стабильной – по семь или восемь эпизодов. Во время первого срока президента Трампа произошло лишь шесть убийств, однако сюда не включены события января 2021 г. – последнего месяца

правления его администрации, когда полицейский погиб от сердечного приступа в ходе защиты Капитолия. Если по данному факту вина подозреваемых будет доказана, то количество полицейских, погибших во время правления Дональда Трампа, будет тем же, что и при трех его предшественниках. Что касается других переменных на уровне преступления, то в подавляющем большинстве случаев использовалось огнестрельное оружие (93,8 %), большинство убийств были совершены одним преступником (58,3 %), и примерно в 80 % случаев был убит один полицейский. Наконец, 25 % эпизодов произошли во время досмотра автотранспорта, а почти 30 % включали ситуацию осады.

Были также проанализированы характеристики жертв (табл. 2) и подозреваемых (табл. 3). Среди 67 пострадавших полицейских почти все были мужчинами, лишь одна женщина. Белых нелатиноамериканцев было 86,6 %, черных нелатиноамериканцев – 10,4 % и белых латиноамериканцев – всего 3 %. Около одной трети пострадавших были в возрасте от 30 до 39 лет, также одна треть – от 40 до 49 лет.

Таблица 2

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне жертвы, 1991–2020 гг.

Table 2. Victim level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Пол / Gender	Мужской / Male	98,5	66
	Женский / Female	1,5	1
Раса / Этническая принадлежность	Черные нелатиноамериканцы / Black Non-Hispanic	10,4	7
	Белые латиноамериканцы / White Hispanic	3,0	2
	Белые нелатиноамериканцы / White Non-Hispanic	86,6	58
Возраст / Age	20–29	10,4	7
	30–39	37,3	25
	40–49	32,8	22
	50–59	14,9	10
	60+	4,5	3
Место работы / Agency Type	Федеральное отделение полиции / Federal Law Enforcement	16,4	11
	Местное отделение полиции / Local Police	38,8	26
	Офис шерифа / Sheriff's Office	31,3	21
	Полиция штата/патрульный / State Police / Patrol	13,4	9
Всего / Total		100,0	67

Таблица 3

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне преступника, 1991–2020 гг.

Table 3. Suspect level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Пол / Gender	Мужской / Male	86,7	72
	Женский / Female	13,3	11
Белые нелатиноамериканцы / White Non-Hispanic	Да / Yes	96,4	80
	Нет / No	3,6	3
Возраст / Age	<20	2,4	2
	20–29	32,5	27
	30–39	34,9	29
	40–49	14,5	12
	50–59	8,4	7
	60+	7,2	6
Особенности ультраправой идеологии / Far-Right Sub-Ideology	Антиправительственная идеология / Anti-Government	51,8	43
	Идеология белого превосходства / White Supremacist	30,1	25
	Неэкстремистская идеология / Non-Extremist	18,1	15
Всего / Total		100,0	83

Всего 10,4 % были в возрасте от 20 до 29 лет, 14,9 % – от 50 до 59 лет и всего 4,5 % – старше 60 лет. Сотрудниками местных отделений полиции и офисов окружного шерифа были 70,1 % пострадавших, сотрудниками федеральных отделений правоохранительных органов были 16,4 %, а сотрудниками полиции штата или патрульными – 13,4 % пострадавших.

Анализ характеристик преступника показывает, что они были преимущественно мужчинами (86,7 %), белыми нелатиноамериканцами (96,4 %). Кроме того, около трети из них были в возрасте от 20 до 29 лет и еще около трети – от 30 до 39 лет. Наконец, взгляды преступников, совершивших данные убийства, соответствовали преимущественно антиправительственной идеологии (51,8 % преступников) и идеологии белого превосходства (30,1 % преступников); 18,1 % преступников не придерживались экстремистских взглядов. Последние выступали сообщниками экстремистов, однако явных свидетельств их принадлежности к ультраправым экстремистским группам не имелось. Следует отметить, что данная классификация основывалась на основных убеждениях преступников, однако многие из них разделяют весь спектр

убеждений – как антиправительственные идеи, так и идеологию белого превосходства. Фактически ряд ультраправых экстремистов с антиправительственной идеологией, например такие группы, как суверенные граждане, придерживаются расистских доктрин, хотя и заявляют о своем неприятии расизма [20].

Хотя в риторике ультраправого экстремизма подчеркивается неприятие федеральных и поддержка местных органов правопорядка, данные свидетельствуют о том, что в наиболее тяжких преступлениях против правоохранительных органов жертвами становились сотрудники местных отделений полиции (70 %). Федеральные агенты составляют всего 16,4 % жертв ультраправых экстремистов, причем восемь из них были убиты во время взрыва в Оклахоме. В статистическом и практическом отношении этот взрыв отличается от обычных насильственных действий ультраправых экстремистов, поэтому эти жертвы, так же как погибший помощник шерифа, должны быть исключены из данной статистики. В этом случае сотрудниками местных отделений полиции оказываются 79,3 % жертв, 15,5 % были патрульными или полицейскими уровня штата, а федеральные агенты состав-

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

ляют 5,2 %. Данные об уровнях подчиненности колеблются в течение 30-летнего периода исследования, однако, согласно работе [54], в 2016 г. около 12,5 % штатных сотрудников правоохранительных органов в США подчинялись федеральным органам власти. Следовательно, в зависимости от того, как оценивать эпизод в Оклахоме, от рук ультраправых экстремистов погибли либо чуть больше, либо намного меньше сотрудников федеральных органов правопорядка, чем их доля в общем составе всех сотрудников правоохранительных органов. Если придерживаться консервативной интерпретации данных, то можно сделать вывод, что сотрудники правоохранительных органов в США имеют относительно невысокие, но примерно равные шансы погибнуть от рук ультраправых экстремистов, несмотря на антиправительственную риторику, направленную против федеральных властей. Если же рассмотреть данные на более глубоком уровне, то оказывается, что федеральные агенты с гораздо большей вероятностью могут подвергнуться нападению и погибнуть в ходе идеологически мотивированных преступлений, совершаемых ультраправыми экстремистами, тогда как для местных полицейских выше вероятность погибнуть при рутинном взаимодействии с ультраправыми экстремистами при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Ультраправый экстремизм представляет реальную постоянную угрозу жизни и благополучию сотрудников правоохранительных органов через насильственные криминальные действия и бумажный терроризм. Кроме того, антиправительственная идеология ультраправого экстремизма бросает прямой и недвусмысленный вызов легитимности органов правопорядка и властей, которым они подчиняются. Как было показано, движения ополчения, суверенных граждан, бугалу не проявляют большого уважения к федеральным законам и законам штатов и лишь частично подчиняются местным органам правопорядка, если только сторонники этих движений считают, что законы не ущемляют их личных свобод. При этом ультраправые экстремисты с неменьшей, а то и с большей вероятностью нападают на местные отделения полиции и на окружных шерифов, чем на полицейских уровня штата или федерального уровня, если учесть процентное соотношение сотрудников указанных уровней юрисдикций. И хотя гибель полицейских при исполнении служебных обязанностей от рук ультраправых экстремистов остается

нечастым явлением, даже в контексте всех случаев гибели полицейских при исполнении служебных обязанностей, однако сотрудники правоохранительных органов в некоторых областях страны и при исполнении ряда специфических обязанностей подвергаются большему риску, чем другие.

Угрозы легитимности правоохранительных органов

Второй вид угрозы, которую ультраправый экстремизм представляет для правоохранительных органов, состоит в принятии на работу сотрудников, открыто или неявно продвигающих незаконную экстремистскую деятельность ультраправого толка. Это создает риск подрыва легитимности правоохранительных органов в некоторых сообществах, где существуют такие проблемы, а также за их пределами. Кроме того, если органы правопорядка неявно поддерживают ультраправый экстремизм, например, относясь к лицам, связанным с этой идеологией или движениями, иначе, чем к другим членам сообщества, либо производя такое впечатление, то такие организации рискуют потерять организационную легитимность и доверие общества, особенно там, где обычно происходят нападения ультраправых экстремистов. Об этом говорят и свидетельские показания в Конгрессе, которые приводит в своей работе Dr. Pete Simi; в ходе исследования он установил, что ультраправые экстремисты были убеждены в поддержке со стороны сотрудников правоохранительных органов [55]. В данном разделе мы рассмотрим внутренние риски, которым подвергаются правоохранительные органы со стороны ультраправых экстремистов, через обсуждение исторических и современных взаимоотношений между ними, а также ситуации недооценки правоохранительными органами тех угроз, которые ультраправые экстремисты представляют для них и сообщества в целом.

Ультраправые экстремисты среди сотрудников правоохранительных органов

Политическая история США показывает, что некоторые догматы ультраправой экстремистской идеологии существовали в ней столетиями; среди них можно назвать догматы расизма и нативизма. Некоторые из самых ранних форм охраны правопорядка включали колониальное ополчение, члены которого репрессировали коренное население и превращали африканцев

в рабов в ходе «рабовладельческих патрулей»; это ополчение состояло из белых мужчин, которым закон позволял поработать африканцев, часто с применением насилия [56–59]. Таким образом, формирование и функции современных правоохранительных органов исторически связаны с идеями белого превосходства, причем не только в противостоянии Севера и Юга, но и в процессе расширения США на запад [60–64, 59].

После Гражданской войны появилась организация ку-клукс-клан, проводившая на юге кампании террора против освобожденных рабов. Самые первые анти-террористические законы федерального правительства были направлены против насилия, проводимого ку-клукс-кланом [65], однако известно, что некоторые сотрудники правоохранительных органов были членами этой организации или сотрудничали с ней в последующие десятилетия [56, 66, 67]. Это позволило ку-клукс-клану действовать в ряде местностей в качестве своего рода «теневого правительства» [68. Р. 143]. Более того, исследования показали, что сотрудники правоохранительных органов, особенно шерифы и их заместители, участвовали примерно в половине всех случаев линчевания в период между 1930 и 1933 гг. [64]. Таким образом, некоторые сотрудники правоохранительных органов были связаны с ку-клукс-кланом и совершали насильственные действия против чернокожих в 1960-е гг., во время движения за гражданские права. Кроме того, полицейские по всей стране поддерживали и другую ультраправую экстремистскую группировку – Общество Джона Бёрча. В исследованиях было установлено, что до 3 % членов Общества Джона Бёрча были сотрудниками правоохранительных органов [69. Para. 19], при этом «доля полицейских [в этой организации] в четыре раза превышала их долю среди трудоспособного населения США» [70. Р. 79]. Проблема ультраправого экстремизма в рядах органов правопорядка давно вызывает озабоченность. В недавно опубликованной неотредактированной версии отчета Контртеррористического подразделения ФБР за 2006 г., посвященного проникновению идеологии белого превосходства в правоохранительные органы, отмечается, что группировки белого превосходства и раньше придерживались стратегии привлечения поддержки органов правопорядка, однако теперь сотрудники правоохранительных органов, особенно уже достигшие высокого положения, нередко добровольно и по собственной инициативе направляют про-

фессиональные ресурсы на решение дел сторонников идеологии белого превосходства, которым они симпатизируют (р. 3). По мнению German [71], внутренние инструкции ФБР показывают, что «расследования терроризма внутри страны фокусировались на движении ополчения, тогда как экстремистские группировки белого превосходства и суверенных граждан часто демонстрируют активные связи с сотрудниками правоохранительных органов и высокопоставленными лицами, способными контролировать деятельность Национального информационного центра по изучению преступности (NCIC)» [72. Р. 89]. Недавний отчет ФБР за 2021 г. предостерегает, что «сторонники белого превосходства и другие правые экстремисты “с большой вероятностью будут стремиться к объединению с подразделениями вооруженных сил и правоохранительных органов для продвижения своих взглядов”» [73. Para. 3].

Согласно докладу Центра журналистских расследований (*The Center for Investigative Reporting*), журналисты выявили экстремистские группы в сети «Фейсбук» и установили имена как минимум 400 действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, участвующих в них; среди них почти 150 полицейских были членами антиправительственных группировок, таких как *the Oath Keepers* и *Three Percenters* [74. Para. 3]. Было также обнаружено, что ряд полицейских участвовали в расистских действиях или иных незаконных действиях при исполнении своих служебных обязанностей. Пользуясь ограниченным объемом доступных данных и точными критериями отбора, Антидиффамационная лига [75] выявила 76 случаев, в которых [бывшие или действующие] сотрудники правоохранительных органов становились членами или демонстрировали поддержку заведомо экстремистской группировке или движению [в период с 2010 по 2021 г.]. Эти случаи охватывают 73 персоналии – 73 случая, в которых участвовало по одному человеку, и три случая, когда один человек поступал на работу в другое отделение после выявления его связей с экстремистскими организациями. Приблизительно 80 % из этих людей были сотрудниками местных правоохранительных органов (para. 14). По сообщению ADL, 40 % из них были связаны с антиправительственными группировками, еще 33 % – с движением белого превосходства, а остальные – с различными группировками, включая *QAnon*, *the Proud Boys*, участниками

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

захвата Капитолия. Кроме того, было показано, что 40 % выявленных полицейских сохранили свои должности, а некоторые из уволенных были приняты в другие отделения, что отражает традиционную схему «циркуляция полицейских-расистов» [67. Р. 175].

Некоторые отделы полиции предпринимали меры по очищению своих рядов от экстремистов, инициируя расследования и увольняя таких полицейских. Однако их усилия часто были неэффективными, поскольку полицейским-экстремистам удавалось избежать или оспорить налагаемые дисциплинарные взыскания, в том числе увольнение. Некоторые полицейские даже получали повышение после обнаружения их связей с экстремистами [71]. Известно также множество примеров, когда руководители органов правопорядка игнорировали, сглаживали такие сигналы или открыто защищали полицейских, связанных с правым экстремизмом [74, 76, 77, 71]. Согласно одному из исследований [56, 71], даже в отчете ФБР за 2006 г. нет прямого указания на непосредственную и серьезную опасность, которую полицейские-экстремисты представляют для уязвимых групп населения, кроме расплывчатых ссылок на «злоупотребления властью и пассивное бездействие по отношению к проявлениям расизма в сообществах, где они служат» (р. 3).

В течение нескольких лет перед событиями 6 января 2021 г. произошел целый ряд эпизодов, связанных с ультраправыми экстремистами – сотрудниками правоохранительных органов. В докладе German [71] об ультраправом экстремизме в рядах органов правопорядка упоминается о нескольких таких случаях. Так, в 2015 г. отдел полиции Алабамы уволил офицера из-за его давно известного – и игнорируемого – членства в организации «Лига Юга» (*the League of the South*); при этом он активно рекрутировал полицейских в эту организацию. Другому офицеру, связанному с этим движением, позволили выйти в отставку. В 2016 г. офицер полиции из Филадельфии, связанный с неонацистской группировкой, показывал свою татуировку в виде орла в нацистском стиле при патрулировании протестов во время Национального демократического съезда; местный профсоюз полицейских открыто защищал этого офицера, и после проведенного расследования он не понес никакого наказания [78]. В 2017 г. журналистское расследование показало, что глава отдела полиции в Оклахоме вел несколько неонацистских сайтов и участвовал в неонацистских

группировках. Он подал в отставку и был принят на работу в другой отдел. В 2018 г. в Вашингтоне и Луизиане были уволены заместители шерифов за их участие в группе *Proud Boys*, а в отделе полиции Коннектикута в 2019 г. полицейского не смогли наказать за то же самое. В 2020 г. в отделах полиции Калифорнии и Иллинойса расследовали дело сотрудников, которых видели в одежде с символикой групп *Three Percenters* и *the Oath Keepers* во время работы на протестных акциях после убийства Джорджа Флойда [71]. Наконец, 6 января по обе стороны баррикад у Капитолия среди толпы находились сотрудники правоохранительных органов. В течение нескольких дней ФБР арестовало действующих и бывших полицейских за преступления, совершенные во время протестных акций у Капитолия [79]. К июлю 2021 г. было арестовано 20 таких полицейских, включая бывшего шефа полиции [18, 80]. За период с 6 января органы правопорядка и другие государственные учреждения начали пересматривать процедуры по выявлению экстремистов и удалению их с постов (см., например, [81, 82]).

Недооценка угрозы. Недавние события, вплоть до угрозы безопасности во время захвата Капитолия, выдвинули на первый план проблему реакции правоохранительных органов на усиление ультраправого экстремизма. Правоохранительная система США уже достаточно давно подвергается критике из-за сглаживания и игнорирования угрозы ультраправого экстремизма, нежелания признать ультраправых экстремистов в качестве террористов и фокусировать большую часть, если не сказать все ресурсы на других угрозах, не представляющих, возможно, такого серьезного риска, как ультраправый экстремизм [56, 83–86]. Анализируя обучающие материалы сотрудников правоохранительных органов по противодействию терроризму, Chermak и соавт. [87] писали об относительной недостаточности ресурсов, выделяемых на борьбу с терроризмом внутри страны, поскольку большая часть ресурсов уходит на борьбу с международным и исламским терроризмом. В своем обзоре отделов полиции уровня штатов Freilich и соавт. [84] показали, что правоохранительные органы штатов считают самыми серьезными угрозами для национальной безопасности исламистов, защитников окружающей среды и прав животных, но не ультраправых экстремистов. В той же работе было показано, что, хотя некоторые группы защитников окружающей

среды и прав животных также классифицируются как экстремистские, их деятельность практически никогда не была связана с ранениями или убийствами; при этом полицейские оценивают их по уровню угрозы безопасности на уровне штата выше, чем ультраправых экстремистов, включая ополченцев, патриотическое движение, суверенных граждан, движение христианской идентичности, ку-клукс-клан, движение против абортов и против иммигрантов – хотя сторонники всех этих групп были замешаны в убийстве гражданских лиц и/или сотрудников правоохранительных органов. Наконец, в работе Freilich и соавт. было выявлено противоречие между восприятием угрозы терроризма сотрудниками правоохранительных органов уровня штата и реальностью: они оценивали исламских экстремистов как главную угрозу безопасности штата и страны в целом, при этом исламские экстремисты «не входят в первую пятерку по числу преступных деяний и арестов» [84. Р. 463]. Ситуация с движением суверенных граждан обратная: их не оценивали как серьезную угрозу, однако они занимают одно из первых мест по уровню преступной активности, арестам и числу сторонников. В работе, посвященной изучению сотрудников правоохранительных органов, принимавших участие в тренингах по предотвращению терроризма и навыкам разведки, Carter и соавт. [88] установили, что полицейские считали потенциально наиболее опасными суверенных граждан, затем исламских экстремистов, участников ополчения/патриотического движения, расистов-скинхедов, неонацистов; таким образом, была показана динамика в восприятии угрозы по сравнению с результатами Freilich и соавт. [84]. Было также проведено сравнение с результатами исследования Freilich и соавт. 2006–2007 гг. и обнаружено уменьшение «озабоченности сотрудников правоохранительных органов по поводу серьезной террористической угрозы со стороны большинства группировок», включая большинство ультраправых экстремистских групп, хотя активность последних значительно повысилась после избрания президента Барака Обамы.

Рассматривая усиление активности ультраправых экстремистов в Канаде, Perry и Scrivens [89] на основе опросного метода установили, что это усиление произошло вследствие слабой реакции части правоохранительных органов. В исследовании было отмечено апатичное отношение некоторых участников интервью

к проблеме ультраправого экстремизма. Как писали авторы, некоторые полицейские вообще не признавали наличия ультраправого экстремизма, другие отрицали – по крайней мере публично – существование какого-либо риска, связанного с ультраправыми. Они утверждали, что потенциал усиления их группировок и совершения ими насильственных действий невелик. Даже в тех городах, где полицейские признавали существование сотен ультраправых экстремистов, они говорили о низком уровне угрозы. Вместо этого они гораздо чаще указывали на опасность левого экстремизма или, еще чаще, исламского экстремизма. Военизированные группы типа al-Shabaab воспринимались как террористические объединения, а такие ультраправые экстремистские группировки, как Aryan Nations или Blood and Honour, – нет. В лучшем случае группы ультраправых экстремистов называли «бригадами из двух с половиной человек» или «неудачниками без цели в жизни», подчеркивая, что потенциальная угроза от них минимальна (р. 181). Эти результаты совпадают с выводами работы [84], как было показано выше. На основе исследования Perry и Scrivens, посвященного Канаде, Castle провел аналогичную работу в США [56], придя к схожим выводам о «дезаурировании рисков» и «принижении угрозы» при реакции правоохранительных органов США на усиление ультраправого экстремистского движения в течение двух лет перед «Маршем Объединенных правых» в 2017 г. в Шарлоттсвилле, когда один из сторонников движения белого превосходства намеренно въехал в автомобиле в толпу контрпротестующих, убив Хизер Хейер и ранив 35 человек [90]. Анализируя реакцию полицейских разного уровня на события в Шарлоттсвилле, Castle утверждает, что «правоохранительные органы игнорировали историю расового террора, развязанного в городе сторонниками движения белого превосходства и чиновниками штата, не обращали внимания на присутствие в городе огромного числа белых группировок, называли несерьезным уровень насилия против протестующих в университете Вирджинии 11 августа и, напротив, преподносили в усиленном виде угрозу со стороны контрпротестующих и активистов, которые и стали главной мишенью разведывательных служб» (р. 222).

Рассматривая другие примеры реакции правоохранительных органов, Castle показывает, что они неоднократно принижали значение действий сторонников движения белого превосходства, включая

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

участие представителей правоохранительных органов в этом движении, совершение террористических актов внутри страны, отрицание угрозы их деятельности для сообщества и страны в целом. В то же время органы правопорядка придавали особое значение пресечению деятельности контрпротестующих, антирасистов и жертв насилия со стороны движения белого превосходства, сосредоточивая «разведывательные усилия на двух выдуманных угрозах – “черных сепаратистах” (*Black separatists*) и “экстремистах черной идентичности” (*Black identity extremists, BIE*)... Юристы показали, что появление *BIE* совпало по времени с политическим давлением на ФБР, когда его вынуждали назвать угрозу, эквивалентную реально существующей организации белого превосходства» [56. Рр. 228–229]. Этот вывод совпадает с результатами работы Perry и Scrivens [89], которые считают, что правоохранительные органы предпочитают фокусироваться на преследовании левых и других групп, чем бороться с ультраправым экстремизмом. Действительно, такая реакция повторяется неоднократно. Пока ку-клукс-клан возрождался и устраивал массовые линчевания, федеральные правоохранительные органы охотились за красными, преследуя активистов левых и лейбористских движений, борцов за расовое равноправие. Пока члены ку-клукс-клана и движения белого превосходства нападали и убивали чернокожих и активистов борьбы за гражданские права, ФБР и его контрразведывательная программа (*COINTELPRO*) сосредоточились на разрушении движений за гражданские права, за независимость и антивоенных движений, а также организаций новых левых [68, 59].

Нежелание признавать угрозу ультраправого экстремизма может являться результатом недостаточной подготовки, однако есть и другое объяснение – возможно, правоохранительные органы не рассматривают ультраправых экстремистов как угрозу себе. Perry и Scrivens отмечают: «Считается, что левые и исламисты... представляют угрозу для таких символических понятий, как государство и государственное (или иное) руководство. Напротив, ультраправые экстремисты нападают на тех, кто “на периферии”... Одни угрожают “нам”, другие – “им”» [89. Р. 182]. Невзирая на множество нападений со смертельным исходом, совершенных ультраправыми экстремистами по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, полицейские не только продолжают преуменьшать угрозу от

них, но в ряде случаев даже защищали, поддерживали и сотрудничали с такими группировками [56]. Примером такого рода являются протесты летом 2020 г., вызванные убийством Джорджа Флойда. В средствах массовой информации сообщалось о том, что полиция в разных регионах ничего не предпринимает для ограничения активности членов антиправительственного движения ополчения, которые приходили на протестные акции под предлогом поддержки полиции и защиты объектов собственности. На записях с этих акций видно, как полицейские фотографируются с вооруженными ополченцами, дают им воду, призывают их мобилизоваться, называют их «дружественными силами» [91, 92].

Внутренняя угроза легитимности правоохранительных органов возникает по многим причинам: исторические связи и сотрудничество с движением белого превосходства при злоупотреблении властью и активном подавлении расовых и социальных меньшинств, часто с применением насилия; неспособность открыто признать риск, которому идеология ультраправого экстремизма подвергает не только членов сообщества, но и сотрудников правоохранительных органов; нежелание выявлять и удалять ультраправых экстремистов и их сторонников из своих рядов. Все это может привести к делегитимизации органов правопорядка. Степень этого риска неодинакова для разных отделений полиции в масштабах страны. В тех областях, где сообщество разнородно, с меньшей вероятностью будут поддержаны те отделы полиции и их руководители, которые, осознанно или нет, наняли на работу лиц, связанных с ультраправым экстремизмом. С развитием цифровых технологий увеличение потока сообщений о злоупотреблении властью со стороны полиции при взаимоотношениях с расовыми и этническими группами, о членах движения белого превосходства и антиправительственных экстремистах в рядах полиции приведет к тому, что восприятие легитимности правоохранительных органов будет продолжаться снижаться.

Обсуждение

События 6 января явились катализатором, заставившим политиков, специалистов и других заинтересованных лиц рассмотреть возникшие социальные проблемы, определить их причины и попытаться найти ресурсы для их решения [93]. Эти процессы продол-

жаются и сегодня. Несмотря на наличие видеозаписей произошедшего, средства массовой информации и политики по-разному объясняют события у Капитолия, называя их восстанием, мятежом или законной протестной акцией. На слушаниях в Конгрессе на тему «Анализ атаки на Капитолий США 6 января» [94] были представлены свидетельские показания полицейских, работавших в Капитолии; был образован выборный комитет для проведения официального расследования [95]. Формирование полной картины предшествовавших событий потребует времени, однако уже сейчас ясно, что среди причин нападения были неподготовленность и срыв коммуникаций.

Кроме обвинений в насильственных действиях против представителей правоохранительных органов, на сегодняшний день предъявлено более 20 исков полицейским не при исполнении служебных обязанностей за преступные действия, совершенные во время нападения на Капитолий [18]. Это яркий пример того, что, хотя ультраправые экстремисты могут заявлять о своей поддержке органов правопорядка, они представляют реальную угрозу для правоохранительной деятельности. Более того, мнение о поддержке ультраправого экстремизма со стороны полицейских может привести к делегитимизации правоохранительных органов. Чтобы противостоять этим рискам, выделим несколько политических инициатив, которые могут помочь снизить как риск виктимизации полицейских, так и риск утраты доверия общества и веры в легитимность органов охраны правопорядка.

Снижение риска насильственных экстремистских действий против сотрудников правоохранительных органов

Мы предлагаем четыре стратегии для защиты сотрудников правоохранительных органов от насильственных действий со стороны ультраправых экстремистов. Во-первых, необходимо давать полицейским информацию об угрозе их виктимизации со стороны ультраправых экстремистов и в целом о ситуации с экстремизмом в стране. Исследователи уже много лет говорят о необходимости усиленной подготовки сотрудников правоохранительных органов с использованием лучших разработок и практических примеров, свидетельствующих об угрозе; такая подготовка должна вестись на местном, федеральном уровне и на уровне отдельных штатов [87]. Фактически в ходе уже

упоминавшихся слушаний в Конгрессе Dr. Pete Simi заявил, что необходимо проводить обучение сил правопорядка в отношении ультраправого экстремизма и обеспечить выработку правоохранительными органами четкой позиции по этим проблемам [55]. Кроме общих вопросов противодействия ультраправому экстремизму, подготовка должна затрагивать также конкретные виды рисков, которым подвергаются сотрудники правоохранительных органов. Как отмечалось, особую угрозу для местной полиции представляют те экстремисты, которые выступают против правительства или считают правительство нелегитимным. Не следует забывать и о других формах внутреннего экстремизма и терроризма. Например, обсуждение проблем ультраправого, ультралевого и исламского экстремизма в рамках одного занятия позволит избежать ассоциирования первого из этих явлений с общепринятой консервативной политической идеологией. Преимущество такой подготовки в том, что она может дать сотрудникам правоохранительных органов инструментарий для защиты жизней людей и своих собственных.

Во-вторых, органы правопорядка должны использовать уже существующие общенациональные базы данных для отслеживания истории преступной деятельности и другой информации для выявления членов формальных ультраправых экстремистских группировок и приверженцев определенных ультраправых экстремистских идеологий, таких как движение суверенных граждан. Это позволит полицейским в ходе их повседневной деятельности, например при проверках автотранспорта или вручении повесток, определять, как конкретное лицо относится к полиции или к государственным органам в целом. Ряд ультраправых экстремистов могут уже находиться в базах данных правоохранительных органов, особенно если они связаны с уличной преступностью, однако в целом полнота такой информации вызывает сомнения. Изучая общие проблемы, касающиеся надежности баз данных по преступности, Reid и Valasik [96] отметили существенный недостаток информации о членах белых банд, а также серьезные несоответствия в оценках распространенности движения белого превосходства между отделами полиции в одних и тех же регионах. Они также показали, что недооценка движения белого превосходства характерна для тех городов, где присутствуют крупные группировки этого движения, например, Портленд, штат Орегон. По их словам, «в на-

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

стоящее время члены этого движения попадают в базу данных, только если уже оказались в исправительном учреждении» (р. 32). Таким образом, подобные базы данных должны совершенствоваться и расширяться. В этой работе отделам полиции могут помочь организации, о которых будет сказано ниже, а именно Объединенные силы по борьбе с терроризмом и центры обработки информации на уровне штатов.

В-третьих, необходимо усилить реакцию юридической системы и уголовного правосудия на проявления ультраправого экстремизма. Органы правопорядка смогут лучше защитить себя и граждан, если сфокусируют ресурсы на немедленном расследовании и пресечении всех преступных деяний, совершаемых экстремистами. Во многих штатах насильственные действия против сотрудников правоохранительных органов приводят к более серьезному наказанию, и такой же принцип должен действовать, если преступники являются ультраправыми экстремистами. Кроме того, в ряде случаев, когда недостаточно оснований для ареста потенциальных экстремистов за планируемые насильственные действия по идеологическим мотивам, органы правопорядка должны пресекать возможные беспорядки другими методами, как это произошло, например, с событиями 6 января [97]. По мнению Pitcavage [24], это было обычной практикой уголовного правосудия, которая привела к арестам нарушавших закон членов ополчения, что значительно снизило активность этого движения, а значит, и общественный интерес к нему. Векторный авторегрессионный анализ данных временного ряда также показал, что уровень убийств ультраправыми экстремистами значительно снизился после принятия Закона о борьбе с терроризмом в 2001 г. и Закона Мэтью Шепарда и Джеймса Берда-младшего о предотвращении преступлений на почве ненависти в 2009 г.; оба эти закона создали новые инструменты для расследования и пресечения идеологически мотивированных насильственных действий [19]. В настоящее время в Конгрессе рассматривается федеральный закон о предотвращении внутреннего терроризма 2021 г., который предусматривает «создание отделов в трех ведомствах: Министерстве национальной безопасности, Министерстве юстиции и ФБР – для выявления, расследования и пресечения случаев внутреннего терроризма», с особым вниманием к движению белого превосходства [98]. Однако идея принятия нового

контртеррористического законодательства встречает значительное сопротивление, даже если эти законы концентрируются на ультраправом экстремизме; высказываются опасения, что они затронут гражданские свободы [99], или будут применяться против меньшинств и ультралевых [100], или что будут повторены ошибки, связанные с поспешным принятием закона о борьбе с терроризмом после атаки 11 сентября [101].

В-четвертых, за последние двадцать лет уже сложилась инфраструктура криминальной юстиции, позволяющая выявлять экстремистскую и террористическую деятельность внутри страны, реагировать и бороться с ней. Соответствующие организации могут сосредоточить значительную часть ресурсов на ультраправых экстремистах, если для расследований и борьбы в этой сфере появится политическая воля. После террористических атак 11 сентября созданное с нуля Министерство внутренней безопасности основало центры обработки информации, которые фокусировались на разведывательной деятельности с целью выявления и блокирования террористических угроз. Эти центры использовали ресурсы, знания и информацию на всех уровнях управления для расследования потенциальных уголовных и террористических действий [102]. Еще одним механизмом в распоряжении правоохранительных органов стали федеральные Объединенные силы по борьбе с терроризмом (*Joint Terrorism Task Force, JTTF*), которые объединяли орган правопорядка федерального и местного уровней [103]. В 2008 г. *JTTF* входили во все подразделения ФБР на местах и работали в 100 городах США [104], в настоящее время они есть уже в 200 городах [105]. Однако и эти органы подвергаются критике, так как те, кто выступает против сил особого назначения, считают, что они представляли в прошлом и будут представлять в будущем угрозу гражданским свободам населения [106]; те же аргументы высказывались в адрес центров обработки информации [102, 107]. Все *JTTF* имеют полномочия расследовать угрозы правоохранительным органам и обществу в целом со стороны ультраправых экстремистов и обязаны делать это. Несмотря на то, что ультраправых экстремистов почти никогда не обвиняют в терроризме, поскольку американское антитеррористическое законодательство направлено в первую очередь против международных террористических организаций и деяний, власти должны последовательно и открыто называть идеологически мотивированные

действия ультраправых экстремистов терроризмом [108]. *JTTF* и центры обработки информации могут играть интегрирующую роль в этом процессе, задавая приоритетность расследований против антиправительственных экстремистов и членов движения белого превосходства, участвующих в преступной деятельности. Кроме того, эти организации могут способствовать обмену информацией об экстремистских угрозах, используя технологические инструменты, например, такие как *eGuardian*, позволяющие отделам полиции предоставлять информацию *JTTF* и наоборот [109]. Эти и другие технологии, например Национальный центр информации о преступности (*the National Crime Information Center*) [110], позволяют системно собирать информацию о лицах, представляющих угрозу для правоохранительных органов и общества в целом из-за своих экстремистских взглядов, поддерживающих и оправдывающих насилие, дестабилизацию государства и другие преступные деяния.

Снижение угрозы легитимности правоохранительных органов

Достоверных оценок рисков для легитимности правоохранительных органов со стороны ультраправых экстремистов, работающих в их рядах, не существует. Количество полицейских, связанных с ультраправым экстремизмом, сложно, если вообще возможно, оценить по двум причинам: во-первых, некоторые ультраправые экстремисты открыто заявляют о своей принадлежности к экстремистским группам и идеологиям, но многие не обнародуют свои убеждения. Во-вторых, на общенациональном уровне не ведется никакой работы по выявлению и отслеживанию ультраправых экстремистов в рядах органов правопорядка [55]. Эти выводы очень важны; из первого следует необходимость совершенствования процедур найма, сохранения и увольнения сотрудников правоохранительных органов в случае их связи с ультраправым экстремизмом. Второй вывод говорит о необходимости общей базы данных полицейских, связанных с ультраправым экстремизмом, что не позволит таким полицейским перемещаться из одного отделения в другое.

Согласно первому выводу, чтобы снизить риски для легитимности правоохранительных органов, еще на этапе отбора кандидатов для найма следует отсекаать ультраправых экстремистов с помощью специальных процедур. Отделения полиции ис-

пользуют большое количество различных методик для определения пригодности кандидатов на работу. Согласно исследованию Wood [111] по данным Управленческой и административной статистики правоохранительных органов (*Law Enforcement Management and Administrative Statistics, LEMAS*), большинство отделов полиции проводили проверки анкетных данных (этот метод используется в 97,4 % отделений полиции); далее по частотности следуют проверки на наркотики (96,0 % отделений), проверки кредитной истории (94,7 % отделений), проверки нарушений ПДД (77,0 % отделений), проверки на наличие судимости (74,7 % отделений), проверки физической формы (70,8 % отделений), личные собеседования (55,8 % отделений), голосовые анализаторы уровня стресса (55,3 % отделений). Еще реже кандидатов просят пройти серии тестов для характеристики личности или психологические проверки. Используя все эти методы, правоохранительные органы должны выявлять у своих сотрудников симпатии к экстремистским идеологиям и связи с соответствующими группировками. Важно, чтобы такие кандидатуры категорически отвергались. Чтобы сохранить легитимность, органы правопорядка должны разработать протоколы приема на работу и кодексы поведения, в которых бы недвусмысленно и публично заявлялось о недопустимости работы идеологических экстремистов в данной организации. Кроме того, выборные чиновники, такие как мэры, члены городских советов, мировые судьи округов, члены комитетов общественного контроля, лидеры профсоюзов, должны четко заявить, что идеологические экстремисты не могут работать в этих органах.

Прием на работу ультраправых экстремистов создает, в частности, две угрозы организационной легитимности отдела полиции. Первая возникает, когда экстремистские убеждения ослабляют или частично замещают принципы, присущие данной организации. К счастью, как показывают исследования, отношение офицера полиции к его работе зависит не столько от его индивидуальных характеристик, сколько от обстановки в отделении, где он работает [112]. Таким образом, если руководство хочет повысить легитимность своего отделения и ликвидировать или не допустить появления в нем идеологии белого превосходства, то можно с уверенностью сказать, что данные аспекты профессиональной культуры не жестко предопределены, но

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

могут быть изменены изнутри. Вторая угроза легитимности возникает, когда сообщество узнает или начинает подозревать, что в отделении работают ультраправые экстремисты. Чтобы отделение полиции могло влиять на общественную безопасность, оно должно пользоваться поддержкой граждан и восприниматься ими как легитимный орган, стоящий на защите справедливости. Кроме того, полицию часто критикуют за неспособность навести порядок в собственных рядах и за то, что она защищает не то, что нужно. Поэтому органы правопорядка должны особенно четко дать понять, что экстремистские убеждения недопустимы и противоречат роли полицейского по обеспечению законности в сообществе и в стране в целом на основе равноправия. Согласно базовым принципам организационного менеджмента, нельзя нанимать на работу людей, не разделяющих целей данной организации. Идеология ультраправого экстремизма противоположна всему, что представляют органы правопорядка, – верховенству закона, легитимности правительства, равноценной защите каждого члена сообщества.

Как было показано, прием ультраправых экстремистов на работу в правоохранительные органы с большой вероятностью повлияет на восприятие легитимности отделения полиции сообществом, особенно если данное сообщество уже подвергалось насилию со стороны ультраправых экстремистов. В этой связи представляют интерес результаты фундаментальной работы Tyler и Waksalak, посвященной легитимности полиции [113]. Авторы показали, что мнение сообщества об органах правопорядка зависело от того, считали ли граждане, что полицейские относятся к ним справедливо и с уважением. А именно легитимность полиции оценивалась выше, а степень расовой предубежденности ниже, если члены сообщества определяли свое взаимодействие с полицией как справедливое в процедурном отношении. Если репутация отделения уже пострадала из-за сотрудников, оказавшихся ультраправыми экстремистами, то справедливое и уважительное отношение к членам сообщества может помочь восстановить доверие населения. Легитимность и доверие способствуют сотрудничеству граждан с полицией, которое является необходимым условием ее эффективной и безопасной деятельности [114].

Что касается антиправительственных экстремистов, будь то члены формальных или неформальных организаций (например, ополчения) или просто

симпатизирующие им, то при приеме на работу в полицию они оказываются сотрудниками тех самых государственных органов, которые они считают незаконными. Таким образом, начинается подрыв данной организации изнутри, тем более если сотрудник проводит агитацию среди коллег. Кроме того, полицейские приносят присягу на верность Конституции США и штата. Хотя некоторые антиправительственные экстремисты могут искренне верить, что защищают эти конституции, на самом деле они защищают искаженные и неверные интерпретации этих правовых документов, и такое их понимание не разделяет большинство граждан, которым они клялись служить и защищать. Их убежденность в нелегитимности федеральных законов и законов штата уже сама по себе подрывает их способность исполнять эти законы. Прием антиправительственных экстремистов на работу в правоохранительные органы может привести как минимум к неэффективной и не отвечающей принципам равноправия работе полиции в данном сообществе, а как максимум – к целенаправленному нарушению основных функций отдела полиции изнутри.

Прием на работу сторонников движения белого превосходства также представляет опасность для легитимности организации, не говоря уже о том, что их идеология содержит антиправительственные взгляды. Полицейские призваны служить и защищать всех членов сообщества на основе равноправия. Если сотрудник правоохранительных органов убежден в превосходстве одной расы или национальности над другими, то он будет считать, что какая-то часть общества имеет право на более высокий уровень обслуживания. Это может проявиться различным образом: сотрудник может реагировать на одни заявления и игнорировать другие, верить показаниям одних подозреваемых или жертв и не верить другим, чаще задерживать представителей одних групп населения по сравнению с другими, отдавать предпочтение одним гражданам перед другими, нарушать конституционные права определенных категорий граждан, жестоко притеснять представителей социальных и расовых групп в соответствии со своей идеологией. Хотя на протяжении десятилетий исследования показывают, что в силу тысяч причин неравноправное отношение правоохранительных органов продолжает существовать [115], это все же тот идеал, к которому должна стремиться система правосудия, чтобы быть легитимной, и достигается он

путем реформирования, прозрачности и подотчетности. Если органы правопорядка не заявляют открыто о своей политике полного запрета на работу в них сторонников движения белого превосходства и антиправительственных экстремистов, то тем самым они создают условия для обвинения их в поддержке таких групп, которые активно пытаются делегитимизировать правительство и притеснять членов сообщества. Четкое заявление такого рода сигнализирует общественности и всем возможным заинтересованным лицам о том, что данное отделение полиции старается проводить демократическую и непредвзятую политику и отвергает проявления ненависти и экстремизма. Кроме приема на работу, правоохранительные органы должны иметь в своем распоряжении методы отстранения полицейских, чьи связи с экстремистами были выявлены после их трудоустройства. В работе [67] было предложено несколько мер по противодействию движению белого превосходства в полиции, среди которых «гипернадзор и абсолютная нетерпимость к расистским идеям, выражаемым в социальных сетях, через одежду, татуировки или иными способами» (р. 180). Далее автор подчеркивает, что тенденциозные комментарии также нельзя считать безобидными, но следует рассматривать в широком контексте, учитывая, как они могут угрожать гражданским свободам тех, кого полиция призвана защищать.

Невозможно переоценить негативное влияние ситуации, когда отделения полиции не могут должным образом проверить новых сотрудников на наличие экстремистских убеждений или связей, или уволить тех, у кого подобные связи были обнаружены. Система децентрализованного управления приводит к большой вариативности в уровне подготовки, стандартах и организационной культуре отделов полиции в масштабах страны, при этом все отделения и сотрудники могут подвергнуться осуждению за недобросовестный поступок или серьезную ошибку одного-единственного полицейского. В Соединенных Штатах неспособность отделов полиции поддерживать высокие профессиональные стандарты деятельности сотрудников многократно усугубляется тем, что на территории страны действует около 18 000 отделений полиции, в которых работают более 750 тысяч штатных офицеров [116]. Как уже неоднократно случалось, одна серьезная ошибка или одно преднамеренное насильственное действие, получившее освещение в прессе, негативно

отражается не только на том отделении, где работает совершивший его полицейский, но и на остальных 17 999 отделениях. Поэтому очень важно, чтобы правоохранительные органы выражали осуждение незаконных действий и случаев предвзятого отношения, имевших место в других юрисдикциях, но в то же время поддерживали и поощряли внедрение процедур найма и кодексов поведения, снижающих вероятность приема на работу идеологического экстремиста.

Жизненно необходимо понимать то влияние, которое предвзятость, насилие со стороны правоохранительных органов и их связи с экстремистами могут оказать на легитимность отделения полиции в глазах граждан. Важно также понимать, что в условиях 24-часового освещения средствами массовой информации правоохранительные органы почти или совершенно не могут контролировать, как они будут представлены в СМИ. Следует пользоваться любой возможностью донести свою точку зрения, рассказать о своих принципах и ценностях. К сожалению, есть данные о том, что просмотр новостей в Сети негативно влияет на отношение к легитимности правоохранительных органов, особенно среди белого населения. Можно предположить, что белые респонденты меньше взаимодействуют с полицией в реальной жизни, поэтому их отношение в большей степени зависит от средств массовой информации [117]. Это еще раз подтверждает нашу мысль, что если отдел полиции берет на работу или даже открыто поддерживает ультраправых экстремистов, то это может отрицательно повлиять на восприятие легитимности не только данного, но и других отделов. Прием на работу и/или нежелание уволить полицейского – ультраправого экстремиста, особенно если эта ситуация попала в традиционные СМИ и была подхвачена социальными сетями, также с большой вероятностью негативно скажется на других отделах полиции. Аргумент о том, что среди полицейских совершают правонарушения лишь отдельные недобросовестные сотрудники, все чаще оспаривается активистами. Поэтому в настоящее время более чем когда-либо актуальна проблема взаимодействия органов правопорядка с общественностью. Эти проблемы во многом усугубляются закрытым характером этих организаций, которые десятилетиями отказывались предоставлять четкие и убедительные отчеты о своей деятельности не только общественности, но даже выборным официальным лицам. Есть и такие отделы по-

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

лиции, которые проявляют открытость и отчитываются перед сообществами, которым они призваны служить и защищать. Однако все без исключения страдают от коллективных и индивидуальных недостатков органов правопорядка в различных регионах страны.

Ограничения и перспективы исследования

Самым важным ограничением данного исследования является доступность данных. Хотя информация о полицейских, убитых ультраправыми экстремистами, валидна и достоверна, она относится лишь к наиболее жестокой форме идеологически мотивированного насилия. Если мы хотим полностью понять угрозу, которую ультраправый экстремизм несет органам правопорядка, необходимо рассмотреть также попытки убийства, нападения при отягчающих обстоятельствах, раскрытые и неосуществленные преступные замыслы и даже такие ненасильственные преступные действия, как бумажный терроризм. Кроме того, имеющаяся информация является в данный момент разрозненной, так как на общенациональном уровне не ведется сбора данных об ультраправых экстремистах, работающих в рядах правоохранительных органов. Как было показано ранее, даже единичные антиправительственные экстремисты или сторонники движения белого превосходства не должны работать штатными офицерами ни в одном отделении полиции, а масштаб проблемы должен определять соответствующую реакцию властей. Таким образом, будущие исследования должны показать последствия ситуации, когда ультраправые экстремисты являются сотрудниками отделов полиции, офисов шерифов, органов правопорядка федерального уровня и уровня штата.

Заключение

Начиная с 2020 г. и по 6 января 2021 г. на всей территории Соединенных Штатов проявились внешние и внутренние угрозы насильственных действий против сотрудников и отделов органов правопорядка со стороны ультраправых экстремистов; эти угрозы были спровоцированы пандемией, протестами по делу Джорджа Флойда и президентской предвыборной кампанией вплоть до конца 2020 г. Во многом 2020 г. отразил все нюансы взаимоотношений между правоохранителями и ультраправыми экстремистами. Основываясь на оригинальных данных и более ранних исследованиях, мы показали, что ультраправые экстремисты представляют угрозу для сотрудников правоохранительных органов США. Антиправительственные экстремисты, считающие себя неподсудными законам юрисдикций, в которых они живут, могут дойти до насильственных действий в случае столкновения с органами правопорядка из-за своей идеологически мотивированной или обычной преступной деятельности. Кроме того, правоохранительные органы, принимающие на работу ультраправых экстремистов, сталкиваются с реальной перспективой потерять свою легитимность в глазах граждан, которым они клялись служить и защищать. В течение нескольких десятилетий криминологические исследования показывают, что недостаток доверия к полиции делает ее работу более сложной и опасной. Научные исследования и эмпирические представления указывают на множество путей к достижению цели, однако только решительные действия со стороны правоохранительных органов и законодателей могут снизить риск внешней виктимизации полиции и защитить органы правопорядка от делегитимизации по причине присутствия в их рядах ультраправых экстремистов.

Список литературы / References

1. Hubbard, K. (2021, June 28). These states have COVID-19 mask mandates. *U.S. News & World Report*. <https://www.usnews.com/news/best-states/articles/these-are-the-states-with-mask-mandates>
2. Kirkpatrick, D. D., McIntire, M. (2021, February 8). 'It's own domestic army': How the G.O.P. allied itself with militants. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2021/02/08/us/militias-republicans-michigan.html>
3. Leahy, R., Velasquez Hernandez, N., Lupu, Y. (2020, June 17). Prosecutors claim that a 'boogaloo' killed two cops. What's a boogaloo? *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/17/prosecutors-claim-that-boogaloo-killed-two-cops-whats-boogaloo/>
4. *United States of America v. Fox, Croft, Jr., Garbin, Franks, Harris & Caserta. Indictment. United States District Court. Western District of Michigan Southern Division*. (December 16, 2020).
5. Bailey, H., Shammass, B., Bellware, K. (2020, May). Chaotic scene in Minneapolis after second night of protests over death of George Floyd. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/05/27/george-floyd-minneapolis-reaction/>

6. Scott, E. (2020, June 11). Democrats are avoiding “Defund the Police”, while Republicans harp on it. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/11/democrats-are-avoiding-defund-police-while-republicans-harp-it/>
7. Searcey, D., Eligon, J., Stockman, F. (2020, June 8). After protests, politicians reconsider police budgets and discipline. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/06/08/us/unrest-defund-police.html>
8. Golden, H., Baker, M., Goldman, A. (2020, September 3). Suspect in fatal Portland shooting is killed by officers during arrest. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/09/03/us/michael-reinoehl-arrest-portland-shooting.html>
9. MacFarquhar, N. (2020, June 22). Many claim extremists are sparking protest violence. But which extremists? *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/05/31/us/george-floyd-protests-white-supremacists-antifa.html>
10. Ali, S.S. (2020, September 1). Where protestors go, armed militias, vigilantes likely to follow with little to stop them. *NBCNews.com*. <https://www.nbcnews.com/news/us-news/where-protesters-go-armed-militias-vigilantes-likely-follow-little-stop-n1238769>
11. Partlow, J., Stanley-Becker, I. (2020, August 30). As clashes between armed groups and leftist protestors turn deadly, police face complaints of tolerating vigilantes. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/as-clashes-between-armed-groups-and-leftist-protesters-turn-deadly-police-face-complaints-of-tolerating-vigilantes/2020/08/30/d2c36c20-e952-11ea-a414-8422fa3e4116_story.html
12. Armus, T., Berman, M., & Witte, G. (2020, August). Before a fatal shooting, teenage Kenosha suspect idolized the police. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/08/27/kyle-rittenhouse-kenosha-shooting-protests/>
13. Fisher, M. (2020). With election day looming, an anxious nation hears rumblings of violence. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/fear-of-election-violence/2020/10/30/5b4f5314-17a3-11eb-befb-8864259bd2d8_story.html
14. Leatherby, L., Ray, A., Singhvi, A., Triebert, C., Watkins, D., Willis, H. (2021, January 12). How a presidential rally turned into a Capitol rampage. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/interactive/2021/01/12/us/capitol-mob-timeline.html>
15. Safdar, K., Ailworth, E., Seetharaman, D. (2021, January 8). Police identify five dead after Capitol riot. *The Wall Street Journal*. <https://www.wsj.com/articles/police-identify-those-killed-in-capitol-riot-11610133560>
16. Thompson, A. C., Fischer, F. (2021, January 9). Members of several well-known hate groups identified at Capitol riot. *PBS.org*. <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/several-well-known-hate-groups-identified-at-capitol-riot/>
17. Yaffe-Bellany, D. (2021, January 29). “Qanon shaman” pleads not guilty to Capitol riot charges. *Bloomberg.com*. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-29-qanon-shaman-pleads-not-guilty-to-capitol-riot-charges>
18. Hsu, S. S. (2021, July 16). Current, former police officers charged in new Proud Boys indictment in Capitol riot. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/local/legal-issues/proud-boys-police-indictment-florida/2021/07/16/1fdb642-e5a4-11eb-8aa5-5662858b696e_story.html
19. Freilich, J. D., Chermak, S. M., Belli, R., Gruenewald, J., Parkin, W. S. (2014). Introducing the United States Extremist Crime Database (ECDB). *Terrorism and Political Violence*, 26, 372–384. <https://doi.org/10.1080/09546553.2012.713229>
20. Crothers, L. (2002). The cultural foundations of the modern militia movement. *New Political Science*, 24 (2), 221–234. <https://doi.org/10.1080/07393140220145225>
21. Dougherty, C. (1995). The minutemen, the national guard and the private militia movement: Will the real militia please stand up? *Marshall Law Review*, 28 (4), 959–985. <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1773&context=lawreview>
22. Dyer, J. (1997). *Harvest of rage: Why Oklahoma City is only the beginning*. Westview Press.
23. Hodge, E. (2019). The sovereign ascendent: Financial collapse, status anxiety, and the rebirth of the sovereign citizen movement. *Frontiers in Sociology*, 4 (76), 1–10. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00076>
24. Pitcavage, M. (2001). Camouflage and conspiracy: The militia movement from Ruby Ridge to Y2K. *American Behavioral Scientists*, 44 (6), 957–981. <https://doi.org/10.1177/00027640121956610>
25. Van Dyke, N., Soule, S. A. (2002). Structural social change and the mobilizing effect of threat: Explaining levels of patriot and militia organizing in the United States. *Social Problems*, 49 (4), 497–520. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.497>
26. Freilich, J. D., PichardoAlmanzar, N. A., Rivera, C. J. (1999). How social movement organizations explicitly and implicitly promote deviant behavior: The case of the militia movement. *Justice Quarterly*, 16 (3), 655–683. <https://doi.org/10.1080/07418829900094301>
27. Freilich, J. D., Pridemore, W. A. (2005). A reassessment of state-level covariates of militia groups. *Behavioral Sciences and the Law*, 23, 527–546. <https://doi.org/10.1002/bsl.654>
28. Barkun, M. (1997). *Religion and the racist right: The origins of the Christian Identity movement*. UNC Press Books.
29. Sarteschi, C. M. (2020). Sovereign citizens: A narrative with implications of violence towards law enforcement. *Aggression and Violent Behavior*. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101509>
30. Katz, R. S., Bailey, J. (2000). The militia, a legal and social movement analysis: Will the real militia please stand up? Militia hate group or the constitutional militia. *Sociological Focus*, 33 (2), 133–151. <https://doi.org/10.1080/00380237.2000.10571162>
31. Jackson, S. (2019). *A schema of right-wing extremism in the United States*. International Centre for Counter-Terrorism, The Hague. <https://icct.nl/publication/a-schema-of-right-wing-extremism-in-the-united-states/>

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

32. Ross, J. (2016, January 5). It's not just Obama: Militia groups thrived under the last Democratic president too. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/01/05/its-not-just-obama-militia-groups-thrived-under-the-last-democratic-president-too/>
33. Finkelstein, J., Donohue, J. K., Goldenberg, A., Baumgartner, J., Farmer, J., Zannettou, S., Blackburn, J. (2020). *COVID-19, conspiracy and contagious sedition: A case study on the militia sphere*. Miller Center for Community Protection and Resilience, Rutgers, the State University of New Jersey. <https://networkcontagion.us/reports/covid-19-conspiracy-and-contagious-sedition-a-case-study-on-the-militia-sphere/>
34. Neiwert, D. A. (1999). *In God's country: The patriot movement and the Pacific Northwest*. Washington State University Press.
35. Berger, J. M. (2016). *Without prejudice: What sovereign citizens believe*. *George Washington University Program on Extremism*. <https://extremism.gwu.edu/sites/extremism.gwu.edu/files/downloads/JMB%20Sovereign%20Citizens.pdf>
36. Loeser, C. (2015). From paper terrorists to cop killers: The sovereign citizen threat. *North Carolina Law Review*, 93 (4), 1106–1139. <https://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4744&context=nclr>
37. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Analysis Section. (2011). *Sovereign citizens: A growing domestic threat to law enforcement*. <https://leb.fbi.gov/articles/featured-articles/sovereign-citizens-a-growing-domestic-threat-to-law-enforcement>
38. Stafford, D. (2013, January 29). Sovereign citizens disavow legal system, make bogus filings aimed at police, judges. *The Indiana Lawyer*. <https://www.theindianalawyer.com/articles/30599-sovereign-citizens-disavow-legal-system-make-bogus-filings-aimed-at-police-judges>
39. Sweeney, M. (2018). What is the sovereign citizen movement, what do they believe and how are they spreading? *Radicalisation Research*. <https://www.radicalisationresearch.org/guides/sweeney-sovereign-citizen-movement/>
40. Sarteschi, C. M. (2020). *Sovereign citizens: A psychological and criminological analysis*. Springer.
41. Anderson, J., Mbakwe, C. A. (2016, August 5). Korryn Gaines was passionate about beliefs, anticipated violent confrontation with police. *The Baltimore Sun*. <https://www.baltimoresun.com/news/crime/bs-md-co-korryn-gaines-profile-20160804-story.html>
42. Evans, R., Wilson, J. (2020, May 27). The boogaloo movement is not what you think. *Bellingcat*. <https://www.bellingcat.com/news/2020/05/27/the-boogaloo-movement-is-not-what-you-think/>
43. Garry, A., Walther, S., Mohamed, R., Mohammed, A. (2021). QANON conspiracy theory: Examining its evolution and mechanisms of radicalization. *Journal for Deradicalization*, 26, 165–216. <https://doaj.org/article/a7d834d1de174eaabb06a688f2d9755d>
44. Moskalenko, S., McCauley, C. (2021). QAnon. *Perspectives on Terrorism*, 15 (2), 142–146.
45. Mulloy, D. J. (2008). “Liberty or death”: Violence and the rhetoric of revolution in the American militia movement. *Canadian Review of American Studies*, 38 (1), 119–145. <https://doi.org/10.3138/cras.38.1.119>
46. Ong, K. (2020). Ideological convergence in the extreme right. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 12 (5), 1–7. <https://www.jstor.org/stable/26954256>
47. LaRowe, L. (2021, May 5). Area man accused of attempted murders to face trial in June: Swenson allegedly said he was looking for police to kill during livestream rant. *Texarkana News*. <https://www.texarkanagazette.com/news/texarkana/story/2021/may/06/area-man-accused-attempted-murder-face-trial-june-swenson-allegedly-said-he-was-looking-police-kill-during-livestream-rant/870024/>
48. Greenberg, Z., Arnett, D. (2021, July 7). Rise of the Morris group arose from a growing, national sovereign citizen movement, experts say. *The Boston Globe*. <https://www.bostonglobe.com/2021/07/07/metro/rhode-island-militia-group-arose-growing-national-sovereign-citizen-movement-experts-say/>
49. Suttmoeller, M. J., Gruenewald, J., Chermak, S. M., Freilich, J. D. (2013). Killed in the line of duty: Comparing police homicides committed by far-right extremists to all police homicides. *Law Enforcement Executive Forum*, 13 (1), 45–64.
50. Gruenewald, J., Dooley, K. M. G., Suttmoeller, M. J., Chermak, S. M., Freilich, J. D. (2015). A mixed-methods analysis of fatal attacks on police by far-right extremists. *Police Quarterly*, 19 (2), 216–245. <https://doi.org/10.1177/1098611115623061>
51. Chermak, S. M., Freilich, J. D., Parkin, W. S., Lynch, J. P. (2012). American terrorism and extremist crime data sources and selectivity bias: An investigation focusing on homicide events committed by far-right extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28, 191–218.
52. Mackum, P., Wilson, S. (2011). Population distribution and change: 2000 to 2010. U.S. Department of Commerce, Economics and Statistics Administration. *U.S. Census Bureau*. <https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-01.pdf>
53. Economic Research Service. (2020, December 10). Rural-urban continuum codes. *U.S. Department of Agriculture*. <https://www.ers.usda.gov/data-products/rural-urban-continuum-codes/>
54. Brooks, C. (2019). Federal law enforcement officers, 2016 – Statistical table. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics. *U.S. Department of Justice*. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fleo16st.pdf>
55. *The Rise of Militia Violent Extremism: Hearings before the Subcommittee on Civil Rights and Civil Liberties*, 117th Cong. (2021). <https://oversight.house.gov/sites/democrats.oversight.house.gov/files/Simi%20Testimony.pdf>
56. Castle, T. (2020). “Cops and the Klan”: Police disavowal of risk and minimization of threat from the far-right. *Critical Criminology*, 29 (2), 215–235. <https://doi.org/10.1007/s11267-020-09493-6>

57. Kienscherf, M. (2019). Race, class and persistent coloniality: US policing as liberal pacification. *Capital & Class*, 43 (3), 417–436. <https://doi.org/10.1177/0309816818815246>
58. Ritchie, A. J. (2017). *Invisible no more: Police violence against Black women and women of color*. Beacon Press.
59. Vitale, A. S. (2017). *The end of policing*. Verso Books.
60. Hernandez, K. L. (2017). *City of inmates: Conquest, rebellion, and the rise of human caging in Los Angeles, 1771–1965*. UNC Press Books.
61. Kuzmarov, J. (2012). *Modernizing repression: Police training and nation building in the American century*. University of Massachusetts Press.
62. LeBron, M. (2019). *Policing life and death: Race, violence, and resistance in Puerto Rico*. University of California* Press.
63. Muhammad, K. G. (2010). *The condemnation of Blackness: Race, crime, and the making of modern urban America*. Harvard University Press.
64. Murakawa, N. (2014). *The first civil right: How liberals built prison America*. Oxford University Press.
65. Shimamoto, E. (2003). Rethinking hate crime in the age of terror. *University of Missouri-Kansas City Law Review*, 72, 829–843. <https://doi.org/10.1177/0011128715620626>
66. Equal Justice Initiative. (2017). *Lynching in America: Confronting the legacy of racial terror*. <https://ejl.org/wp-content/uploads/2005/11/lynching-in-america-3d-ed-052421.pdf>
67. Ward, G. (2018). Living histories of white supremacist policing: Towards transformative justice. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 0/5 (1), 167–184. <https://doi.org/10.1177/S1742058X18000139>
68. German, M. (2007). *Thinking like a terrorist: Insights of a former FBI undercover agent*. Potomac Books.
69. Breland, A. (2020, September). QAnon is attracting cops. *Mother Jones*. <https://www.motherjones.com/politics/2020/09/police-officers-qanon/>
70. Shanahan, J., Wall, T. (2021). ‘Fight the reds, support the blue’: Blue Lives Matter and the US counter-subversive tradition. *Race & Class*, 63 (1), 70–90. <https://doi.org/10.1177/03063968211010998>
71. German, M. (2020). Hidden in plain sight: Racism, white supremacy, and far-right militancy in law enforcement. *Brennan Center for Justice*. <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/hidden-plain-sight-racism-white-supremacy-and-far-right-militancy-law>
72. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Division. (2015). *Counterterrorism policy directive and police guide*. <https://s3.documentcloud.org/documents/3423189/CT-Excerpt.pdf>
73. Margolin, J. (2021, March). White supremacists ‘seek affiliation’ with law enforcement to further their goals, internal FBI report warns. *ABC News*. <https://abcnews.go.com/US/white-supremacists-look-for-affiliation-law-enforcement-goals-internal-story?id=76309051>
74. Carless, W., Corey, M. (2019, June). *To protect and slur: The American militia movement, a breeding ground for hate, is pulling in cops on Facebook*. Reveal from The Center for Investigative Reporting. <https://revealnews.org/article/the-american-militia-movement-a-breeding-ground-for-hate-is-pulling-in-cops-on-facebook/>
75. Anti-Defamation League. (2021). *Extremism in American law enforcement: Far greater transparency, accountability needed*. <https://www.adl.org/resources/reports/extremism-in-american-law-enforcement-far-greater-transparency-accountability>
76. Carless, W., Corey, M. (2019, June). *To protect and slur: Inside hate groups on Facebook, police officers trade racist memes, conspiracy theories and Islamophobia*. Reveal from The Center for Investigative Reporting. <https://revealnews.org/article/inside-hate-groups-on-facebook-police-officers-trade-racist-memes-conspiracy-theories-and-islamophobia/>
77. Crowell, M., O’Regan, S. (2019, December). Extremist cops: How US law enforcement is failing to police itself. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2019/dec/13/how-us-law-enforcement-is-failing-to-police-itself>
78. Samaha, A. (2017, September). A cop with a tattoo he swears isn’t a “Nazi tattoo” says a lot about police free speech. *BuzzFeed News*. <https://www.buzzfeednews.com/article/albertsamaha/they-cant-fire-you-for-whats-in-your-head>
79. Pulver, D., Axon, R., Salman, J., Wedell, K., Manfield, E. (2021, July). Capitol riot arrests: See who’s been charged across the U.S. *USA Today*. <https://www.usatoday.com/storytelling/capitol-riot-mob-arrests/>
80. Hymes, C., McDonald, C., Watson, E. (2021, July). More than 535 arrested so far in Capitol riot case, while more than 300 suspects remain unidentified. *CBS News*. <https://www.cbsnews.com/news/capitol-riot-arrests-latest-2021-07-07/>
81. Fox, B. (2021, May 12). *US looking at how to weed out extremists in law enforcement*. *The Associated Press*. <https://apnews.com/article/donald-trump-government-and-politics-b37d7737a8b445f4994c7f4c4b0b80c4>
82. Kindy, K., Berman, M., Bellware, K. (2021, January 24). After Capitol riot, police chiefs work to root out officers with ties to extremist groups. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/police-capitol-riot-extremists/2021/01/24/16fdb2bc-5a7b-11eb-b8bd-ee36b1cd18bf_story.html
83. Chermak, S. M., Freilich, J. D. Simone, Jr., J. (2010). Surveying American state police agencies about lone wolves, far-right criminality, and far-right and Islamic jihadist criminal collaboration. *Studies in Conflict & Terrorism*, 33, 1019–1041. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2010.514698>

84. Freilich, J. D., Chermak, S. M., Simone Jr, J. (2009). Surveying American state police agencies about terrorism threats, terrorism sources, and terrorism definitions. *Terrorism and Political Violence*, 21 (3), 450–475. <https://doi.org/10.1080/09546550902950324>
85. Scrivens, R., Perry, B. (2017). Resisting the right: Countering right-wing extremism in Canada. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 59 (4), 534–558. <https://doi.org/10.3138/cjccj.2016.0029>
86. Simi, P. (2010). Why study white supremacist terror? A research note. *Deviant Behavior*, 31 (3), 251–273. <https://doi.org/10.1080/016396209033004572>
87. Chermak, S. M., Freilich, J. D., Shemtob, Z. (2009). Law enforcement training and the domestic far-right. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (12), 1305–1322. <https://doi.org/10.1177/0093854809345630>
88. Carter, D., Chermak, S., Carter, J., Drew, J. (2014). *Understanding law enforcement intelligence processes: Report to the Office of University Programs, Science and Technology Directorate, U.S. Department of Homeland Security*. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). https://www.start.umd.edu/pubs/START_UnderstandingLawEnforcementIntelligenceProcesses_July2014.pdf
89. Perry, B., Scrivens, R. (2018). A climate for hate? An exploration of the right-wing extremist landscape in Canada. *Critical Criminology*, 26 (2), 169–187. <https://doi.org/10.1007/s10612-018-9394-y>
90. Duggan, P. (2018, December). James A. Fields Jr. sentenced to life in prison in Charlottesville car attack. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/local/public-safety/james-a-fields-jr-sentenced-to-life-in-prison-in-charlottesville-car-attack/2018/12/11/8b205a90-fcc8-11e8-ad40-cdfd0e0dd65a_story.html
91. Hvistendahl, A., Brown, A. (2020, June). Armed vigilantes antagonizing protesters have received a warm reception from police. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2020/06/19/militia-vigilantes-police-brutality-protests/>
92. Mathias, C. (2020, August). White vigilantes have always had a friend in police. *HuffPost*. https://www.huffpost.com/entry/white-vigilantes-kenosha_n_5f4822bcc5b6cf66b2b5103e
93. Birkland, T. A. (1998). Focusing events, mobilization, and agenda setting. *Journal of Public Policy*, 18 (1), 53–74. <https://doi.org/10.1017/S0143814X98000038>
94. *Examining the January 6th attack on the U.S. Capitol*, 117th Cong. (2021). <https://www.rules.senate.gov/hearings/examinin-g-the-january-6th-attack-on-the-us-capitol>
95. Wolfe, J. (2021, July 14). U.S. House select committee announces first hearing to probe Jan. 6 attack. *Reuters*. <https://www.reuters.com/world/us/us-house-select-committee-announces-first-hearing-probe-jan-6-attack-2021-07-14/>
96. Reid, S. E., Valasik, M. (2020). *Alt-right gangs: A hazy shade of white*. University of California* Press.
97. Rotella, S. (2021, January 7). Domestic terrorism: A more urgent threat, but weaker laws. *ProPublica*. <https://www.propublica.org/article/domestic-terrorism-a-more-urgent-threat-but-weaker-laws>
98. The Editors. (2021, February 17). Stop domestic terrorism: Our national leaders must take on racist-drive violence in the U.S. *Scientific American*. <https://www.scientificamerican.com/article/stop-domestic-terrorism/>
99. Baker, T. J. (2021, March 10). Today's laws can handle homegrown terror. *Wall Street Journal*. <https://www.wsj.com/articles/todays-laws-can-handle-homegrown-terror-11615418012>
100. Yachot, N. (2021, Tuesday 26). Fears grow that efforts to combat US domestic terrorism can hurt minorities. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/26/push-combat-us-domestic-terrorism-far-right-extremism>
101. Ibsen, D., Pham, L. (2021, March 7). We cannot let fear create a new PATRIOT Act for Americans. *The Hill*. <https://thehill.com/opinion/national-security/541601-we-cannot-let-fear-create-a-new-patriot-act-for-americans>
102. Lambert, D. (2010, December). Intelligence-led policing in a fusion center. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 1–6.
103. Martin, R. A. (1999, March). The joint terrorism task force: A concept that works. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 23–27.
104. Barker, B., Fowler, S. (2008). The FBI Joint Terrorism Task Force officer. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 77 (11), 12–16. <https://leb.fbi.gov/file-repository/archives/november08leb.pdf/view>
105. *Federal Bureau of Investigation*. (2021, June 1). Joint terrorism task forces. <https://www.fbi.gov/investigate/terrorism/joint-terrorism-task-forces>
106. Yin, T. (2011). Joint terrorism task forces as window into the security vs. civil liberties debate. *Florida Coastal Law Review*, 3 (1), 1–32. <https://ssrn.com/abstract=2046888>
107. Regan, P. M., Monahan, T. (2014). Fusion center accountability and intergovernmental information sharing. *Publius*, 44 (3), 475–498. <https://doi.org/10.1093/publius/pju016>
108. Norris, J. J. (2020). When (and where) can right-wing terrorists be charged with terrorism? *Critical Studies on Terrorism*, 13 (4), 519–544. <https://doi.org/10.1080/17539153.2020.1810991>
109. Durner, C. (2012, January). Technology update: eGuardian gains momentum. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 12–15.
110. *Federal Bureau of Investigation*. (2021, June 1). *National Crime Information Center (NCIC)*. <https://www.fbi.gov/services/cjis/ncic>
111. Wood, M. (2017). Making and breaking careers: Reviewing law enforcement hiring requirements and disqualifiers. *Journal of Criminal Justice Education*, 28(4), 580–597. <https://doi.org/10.1080/10511253.2017.1283429>

112. Cordner, G. (2017). Police culture: Individual and organizational differences in police officer perspectives. *Policing: An International Journal*, 40 (1), 11–25. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-07-2016-0116>
113. Tyler, T. R., Wakslak, C. J. (2004). Profiling and police legitimacy: Procedural justice, attributions of motive, and acceptance of police authority. *Criminology*, 42 (2), 253–281. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00520.x>
114. Bolger, P. C., Walters, G. D. (2019). The relationship between police procedural justice, police legitimacy, and people's willingness to cooperate with law enforcement: A meta-analysis. *Journal of Criminal Justice*, 60, 93–99. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2019.01.001>
115. Balko, R. (2020, June 10). There's overwhelming evidence that the criminal justice system is racist. Here's the proof. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/opinions/systemic-racism-police-evidence-criminal-justice-system/>
116. Banks, D., Hendrix, J., Hickman, M., Kyckelhahn, T. (2016). *National sources of law enforcement employment data*. U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/nsleed.pdf>
117. Intravia, J., Wolff, K. T., Piquero, A. R. (2018). Investigating the effects of media consumption on attitudes toward police legitimacy. *Deviant Behavior*, 39 (8), 963–980. <https://doi.org/10.1080/01639625.2017.1343038>
118. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Division. (2006). *White supremacist infiltration of law enforcement*. https://oversight.house.gov/sites/democrats.oversight.house.gov/files/White_Supremacist_Infiltration_of_Law_Enforcement.pdf
119. Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2018). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 19 (1), 1–14.

* С 03.03.2026 Калифорнийский университет, Беркли, включен в перечень нежелательных организаций РФ / Since March 3, 2026, the University of California, Berkeley, is included in the list undesirable organisations in Russia.

Об авторах

Уильям С. Паркин является доцентом кафедры уголовного правосудия, криминологии и судебной экспертизы Сиэтлского университета. Он проводит исследования в области преступности по идеологическим мотивам, виктимизации при насильственных преступлениях, общественной безопасности, взаимоотношений между СМИ и системой уголовного правосудия.

Коллин Е. Миллс является ассистентом преподавателя в области уголовного правосудия Университета штата Пенсильвания (Абингтон), а также одним из ведущих научных сотрудников базы данных США по экстремистским преступлениям (ECDB). Ее работы посвящены проблемам преступлений по причине ненависти, ультраправого экстремизма и терроризма, расизма, межгрупповых конфликтов.

Джефф Грюневальд, доктор философии, является доцентом кафедры социологии и криминологии, директором Центра изучения терроризма в колледже Фулбрайт Университета Арканзаса. Его научные интересы включают терроризм, насильственные проявления экстремизма, отражение проблем преступности и правосудия в средствах массовой информации.

About the authors

William S. Parkin is an Associate Professor in the Department of Criminal Justice, Criminology, and Forensics at Seattle University. He conducts research on ideologically motivated violence, violent victimization, community public safety, and the relationship between the media and the criminal justice system.

Colleen E. Mills is an Assistant Professor of Criminal Justice at Pennsylvania State University, Abington and she is a co-principal investigator on the U.S. Extremist Crime Database (ECDB). Her research focuses on hate crime, far-right extremism and terrorism, racism, and group conflict.

Jeff Gruenewald, PhD, is an Associate Professor in the Department of Sociology and Criminology and Director of the Terrorism Research Center (TRC) in the Fulbright College at University of Arkansas. His research interests include terrorism, violent extremism, and news media coverage of crime and justice issues.

Дата поступления / Received 22.09.2021
Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2021